

Надежда Дробышевская

ПО ТОНКИМ
НИТЯМ СУДЕБ
ИНАТУШКИ

Шockва
2023

УДК 27-4
ББК 86.372
Д 75

Д75

Дробышевская Надежда Николаевна

По тонким нитям судеб. Матушки. – М.: Издательский дом «Граница», 2023. – 160 с.: ил.

ISBN 978-5-9933-0277-5

Предлагаемое читателю издание повествует о жизненном пути монахинь, ныне несущих своё послушание в монастырях и храмах России и Беларуси. Рассказывая о своих собеседницах, автор раскрывает то самое сокровенное в судьбе каждой из них, что помогло им прийти к Богу. Повествуя о своих героинях, автор подводит читателя к вечным понятиям добра, человечности и сострадания, что и является основой Православия.

Автор – Надежда Николаевна Дробышевская – кандидат филологических наук; поэт, прозаик, публицист; педагог; Член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей Союзного государства; является лауреатом различных литературных премий; имеет множество наград, среди которых – медаль Святого благоверного князя Даниила Московского Русской Православной Церкви, нагрудный знак «За большой вклад в литературу» от Союза писателей Беларуси и епархиальная медаль «Святой Владимир исповедник Витебский» 3 степени.

Надежда Дробышевская – автор более 10 книг стихов, прозы и публицистики, среди которых: «По тонким нитям судеб. Батюшки», «И во сне нет душе покоя», «Верность Истине».

УДК 27-4
ББК 86.372

ISBN 978-5-9933-0277-5

© Н.Н. Дробышевская, 2023
© Издательский дом «Граница», 2023

По тонким нитям судеб

**ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЖИЗНЕННОМ ПУТИ
МОНАХИНЬ НАПИСАНЫ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
ПРАВОСЛАВНЫХ АРХИЕРОСОВ**

Патриаршего Экзарха всея Беларуси
митрополита Минского и Заславского Вениамина,
митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия,
митрополита Барнаульского и Алтайского Сергия,
митрополита Воронежского и Лискинского Сергия,
митрополита Ставропольского и Невинномысского Кирилла

ПОСВЯЩЕНИЕ ПИОНАХИНИЦ

Навек став Божией невестой,
О том обет дав на кресте.
Тя искушениям всем известным
Закрела путь самой себе...

И, тихо шествуя по жизни —
То радуясь, а то скорбя,
Тя до своей последней тризны
Живёшь в молитве, всех любя...

И никого не осуждаешь,
И не винишь во всех грехах,
Лишь пряча взгляд, слезу роняешь
С молитвой чистой на устах...

Усталость прячешь за улылкой,
Встречая путников с поклоном,
Хоть страх по венам болю зябкой
Бежит, словно ручьи по склонам...

Но и его, смиренною внемля,
Шолитвой тихой одолеешь,
И, словом упредив сомненья,
Надежду в светлое посеешь...

«Великий постриг»
Шихаил Нестеров

«Беседа и общество ближних очень действуют на человека. Беседа и знакомство с ученым сообщают много сведений, с поэтом – много возвышенных мыслей и чувствований, с путешественником – много познаний о странах, о нравах и обычаях народных. Очевидно, что беседа и знакомство со святыми сообщают святость. С преподобным преподобен будешь, и с мужем неповинным неповинен будешь, и с избранным избран будешь».

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

ОТ АВТОРА

Почему люди, бросив все мирские радости, принимают монашеский постриг или становятся священнослужителями, у обывателей вызывает множество вопросов. Да и сама обитель всегда привлекала и привлекает к себе огромное количество паломников. Среди них есть и те, кто просто утоляет своё праздное любопытство, но большая часть всё же тех, кто истинно верует.

Много путешествуя и посещая святые обители, я имела счастье встреч и душевных бесед со многими насельниками этих обителей. Среди них были и владыки, и священнослужители, и монашествующие, о многих из которых, получив благословение, я уже успела поведать читателю.

Мне всегда хотелось рассказать читателю именно о монашествующих женщинах, но осуществить это оказалось не так легко, что вполне объяснимо. Монахини, отказавшись от мирской жизни, ведут совершенно иной образ жизни, подчинённый своим правилам и законам, и мы не вправе нарушать эти законы.

К счастью, моя настойчивость и желание поведать о судьбах некоторых из монахинь увенчалась успехом. И, получив благословение у правящих владык, я смогла осуществить свою мечту.

Многое мне довелось услышать и о многом узнать из откровенных бесед с монахинями. Конечно, по понятным причинам не всё из того, что я услышала, имею право рассказывать. Однако то, что мне позволили озвучить, я постаралась донести до читателя.

Надо понимать, что и среди пришедших в святую обитель есть разные люди. Наверное, это не совсем правильно, но что поделаешь – они такие же люди, как и мы с вами, и многим из них свойственны слабости. Мне выпала радость общения с подлинно духовными священнослужителями и монашествующими (мужского и женского пола), и тот свет, то счастье, та радость и невероятной мощи внутренняя сила, которые наполняют их, «накрывают», если можно так сказать, тебя с головой. И слушая их совершенно простую, тихоголосую, но проникающую до глубины души речь, начинаешь постепенно понимать, сколько пустоты было в твоём сердце до встречи с ними. И эта пустота постепенно наполняется тем светом и теплом, которые они не просто несут в себе, а делятся ими со всеми, кто способен увидеть тот свет и почувствовать тепло их души.

Как сказал в одном из своих интервью Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Монастырь – священное место, обитель добродетели. Это закрытая территория, где осуществляется поиск путей духовного совершенствования». Именно «пути духовного совершенствования» и есть главное, что движет теми, кто связал свою жизнь со святою обителью. Каждый, кто нашёл своё пристанище в монастыре, избирая этот путь, шёл к нему своею, предначертанной только ему, дорогой:

У каждого своя дорога к Богу,
И каждый свой несёт по силам крест,
Но, к храмовому подходя порогу,
Не каждый там, внутри, увидит «Свет».
А кто увидит, навсегда запомнит
И участи иной не будет ждать,
Как той, когда колено он преклонит,
Чтоб жизнь свою служению отдать...

«Отдать служению свою жизнь» – не просто слова, а это, на мой взгляд, основа монашества. И в этом я убеждалась не один раз, слушая искренние рассказы своих собеседниц. Об их «пути к Богу» и пойдёт речь в этой книге.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Над Нижним златом светят храмов купола,
Благословляя колокольным перезвоном.
А в храмах тех звучит ко Господу хвала,
Которой вторят града жители с поклоном.

В сем граде чтут традиции отцов и дедов
За то, что верность православной сберегли
И, охраняя град от вражеских набегов,
Пройдя сквозь ад, вновь встать с колен смогли.

Навеки будет славен русский город.
И, в Золотом кольце достойно находясь,
Он каждому в России сердцу дорог,
И святость его славят, Господу молясь...

Нижегородская митрополия
Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского

Игуменя Филарета (Гажу)

«Взять крест – это значит претерпеть без ропота и жалоб тяжкий, невидимый никому труд над собой, невидимое томление и мученичество души ради исполнения евангельских истин».

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

ПУТЬ К ИСТИНЕ

В красивейшем городе Кишинёве, пережив все тяготы войны и первого послевоенного десятилетия, жила обычная семья по фамилии Гажу. Она была похожа на множество других семей того времени. И было в этой семье пять девочек и один мальчик. Отец очень любил своих дочерей и как мог баловал их, а сына воспитывал, как и подобает, в строгости и послушании. Но самое главное – всех своих детей он воспитывал в истинно православных традициях. Хотя то время было не совсем простым для православных, однако, несмотря ни на что, отец, как и положено в православной семье, соблюдал со своими домочадцами все посты, праздничные дни и всё, что лежит в основе православных канонов...

Мне выпало счастье соприкоснуться с историей этой семьи, когда я получила благословение митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия написать об одном из членов этой семьи – настоятельнице Нижегородского Крестовоздвиженского женского монастыря игумении Филарете.

Впервые я встретила с матушкой Филаретой, когда приезжала в Нижний Новгород для написания книги, в которую вошли очерки о батюшках Нижегородской митрополии. Тогда Матушка приютила меня в стенах своего монастыря, окружив заботой и вниманием.

Тогда же, увидев впервые в храме её высокую статную фигуру, я была, если можно так сказать, очарована её строгой осанкой и её тихим, но с твёрдыми нотками, голосом. Она была, как и положено игумении, обла-

чена в чёрную рясу, волосы покрывал апостольник, поверх которого был надет клобук, а грациозная походка и строгий взгляд без слов говорили о твёрдости её характера.

Матушка встретила меня строго, как и подобает её чину. Также строго, не говоря ни одного лишнего слова, проводила меня в келью, в которой я и разместилась. И только потом, в трапезной, угощая меня постным, но от этого не менее вкусным горячим обедом, она впервые улыбнулась.

Преображение было настолько очевидным, что я даже немного растерялась. В одно мгновение та строгая Матушка, которую встретила в храме, куда-то исчезла, а вместо неё появилась добрая, открытая и очень радужная хозяйка.

Даже за тот небольшой промежуток времени, который мы в неспешной беседе провели за трапезой, я успела заметить, что у моей собеседницы, как у каждой из нас, есть и свои внутренние переживания, и свои секреты, и свои привычки, и всё то, что присуще любой из нас. Только в отличие от нас, заглядывающих внутрь себя и тешащих свои переживания, она все свои силы, всю свою любовь и всю свою жизнь посвящает служению Богу и людям.

И именно тогда, в тот мой приезд в Нижний Новгород, у меня появилось непреодолимое желание написать о ней.

Прошло немало времени, прежде чем я снова приехала в Нижний Новгород.

Это случилось в дни празднования памяти святого преподобного Серафима Саровского в Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском женском монастыре, куда я приехала по приглашению митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия. И, конечно же, я не могла не воспользоваться случаем, чтобы встретиться и побеседовать с игуменией Филаретой.

О том, что я услышала за время своего пребывания от неё самой и от тех, кто давно её знает, я и поведаю своему читателю.

Родилась Татьяна Михайловна Гажу (ныне игумения Филарета) 23 октября 1967 года в городе Кишинёве в семье простых рабочих.

Отец и мать были глубоко верующими людьми и с самого раннего детства приучали к этому своих детей, коих у них было шестеро. Старшая сестра Мария, затем Зинаида, Елена, Татьяна, затем – долгожданный сын

Сергей и самая младшенькая – Виктория. Была у них ещё одна сестрёнка – Валентина, но она, будучи ещё совсем маленькой, погибла при трагических обстоятельствах...

Семья была большой, однако, несмотря на скромный быт и более чем скромное питание, никто из домочадцев никогда не жаловался, наоборот, каждый из них старался помогать и поддерживать друг друга.

Матушка, рассказывая о своём детстве, вспоминала, как они всей семьёй ходили пешком на службы в церковь. И как дома, перед трапезой, они, мал мала меньше, вторили отцу слова молитвы, тогда ещё не совсем понимая их смысла. Вспоминала, как в дни Великой Пасхи они после многих дней воздержания от скоромной пищи «за обе щеки уплетали пасхальный кулич с яйцами и радовались каждой конфетке...»

– Наше время было очень тяжёлым, – вспоминает Матушка. – Отец и мать работали, а мы, как было тогда принято во всех многодетных семьях, смотрели друг за дружкой. Папа и мама работали на хлебопекарном заводе. Папа был водителем. Маме же, чтобы днём быть с нами, приходилось работать в ночные смены. Мама спала по два, три часа в сутки... Я сегодня даже представить себе не могу, как она выдерживала такую нагрузку и как со всеми нами справлялась... Хорошо помню: мы утром просыпаемся, а она уже для каждого из нас приготовила по паке-тику с едой, чтобы мы взяли с собой в школу. Обычно это была маленькая булочка или бутербродик, обязательно яблочко на перекус и плюс 15 копеек. И так каждый день. Иногда мы вставали, а мама ещё спала. И мы, маленькие, но уже понимая, как ей тяжело, тихонько одевались, брали свои обеды, денежку и также тихонько, чтобы её не разбудить, закрывали за собой дверь...

Когда игумения Филарета начала свои воспоминания, я словно окунулась в своё детство. Зная не понаслышке, каково это расти в большой семье, совершенно отчётливо представила себе картину, которую пыталась мне передать в своём рассказе Матушка.

– Сейчас я понимаю, насколько было тяжело моим родителям, – продолжила она свой рассказ. – Но тогда я была совсем маленькой. Однако хорошо помню, как папа строил для нас дом и как затем постоянно что-то в нём перестраивал. Рождался ребёнок, он снова что-то достраивал... И так бесконечно... Ему очень хотелось, чтобы у каждого из нас был свой

Семья Гажу (слева направо): Татьяна, Дарья Владимировна (мама), Сергей (брат), Виктория (сестра), Михаил Александрович (отец) и Елена (сестра), Кишинёв, 1984 г.

Татьяна Гажу, 1984 г.

Родители: Дарья Владимировна и Михаил Александрович, 1959 г.

Елена (крайняя слева), игумен Викентий (ныне митрополит Ташкентский и Узбекистанский), Виктория и Дарья Владимировна, 1986 г.

Сёстры: Татьяна (крайняя справа) и Зинаида (крайняя слева) с подругами, Загорск, 1986 г.

Татьяна (вторая справа) с мамой (крайняя справа) в Троице-Сергиевой Лавре, 1987 г.

Сёстры (слева направо): Елена, Виктория и Татьяна, 1983 г.

уголок в доме... Он сам рос в многодетной семье и понимал, как это важно иметь свой уголок... Ведь что с маминой, что с папиной стороны, в семьях было по 11 детей... Но, как рассказывал папа, до войны было очень голодно, и многие из детей – кто в младенчестве, кто в отрочестве умирали. Так и в семьях, в которых росли мои родители, что с папиной, что с маминой стороны, – из 11 детей осталось по 5 детей в каждой семье...

Из рассказа матушки Филареты я узнала, что её дедушка Александр (папин отец) был глубоко верующим человеком. Он вместе со своими детьми посещал все воскресные службы, а позже, когда прихожане в храмах были поделены на так называемые «двадцатки», был избран старостой такой «двадцатки».

В то время, а было это задолго до войны, в храмы ходить было не совсем безопасно, так как батюшки, которые несли своё послушание, как сказала Матушка, «были и нашим, и вашим». И многие, идя на Исповедь, не знали, что можно говорить, а чего – нельзя. Но Исповедь ведь не бывает половинчатой – либо ты говоришь всё, как есть, либо – это уже не Исповедь...

И однажды дедушку Александра увели прямо из храма и отправили сначала в тюрьму, а затем – в Сибирь. После этого его больше никто никогда не видел...

– Я помню, – смахивая слезу, продолжила свои воспоминания Матушка, – когда я уже была в Дивеевском монастыре, мой отец приезжал ко мне. Это было где-то за год до его кончины... И тогда он рассказал, что его поиски, наконец, увенчались успехом, и он нашёл своего отца... Но не самого отца, а человека, который был вместе с ним в ссылке и который видел, как его отец умер...

Я не просто так начала свой рассказ об игумении Филарете издалека. Ведь история её жизни, как и каждого из нас, тесно связана не только с историей семьи, в которой она родилась и выросла, но и с историей семей её родителей, являясь продолжением жизни и судьбы всего их рода.

...Так вот, когда дедушку Александра забрали, бабушка Анна (мама отца матушки Филареты) осталась одна с пятью детками на руках. Но вскоре и её вместе с детьми отправили вслед за мужем в Сибирь. Пока всех ссыльных распределяли по пунктам отправки, старшего сына Михаила (будущего отца Матушки), так как он работал водителем, заставили собирать и

свозить всех в эти пункты. А потом и его самого вместе со всеми ссыльными отправили в Сибирь... Такие суровые были времена.

По прибытии в Сибирь всех мужчин из поезда, в котором находился Михаил, отправили в шахты. А остальные поезда с прибывающими ссыльными вывозили в чистое поле, где в лучшем случае было три-четыре старых полуразрушенных дома, а то и просто чистое поле. Среди прибывших была и семья Михаила.

Было сыро, холодно и голодно. У бабушки с собой были только узелок с одеждой да кое-что из домашней утвари, а на руках – четверо деток...

Первое время спали прямо на земле, подстелив под себя сосновые ветки. Ими же и укрывались. А к первым холодам вырыли яму под землянку, которая на долгие годы стала их родным домом.

– Отец рассказывал, что его отправили на работы в шахту... Он говорил, что резиновый комбинезон, который выдавали каждому для работы в шахте, прилипал к телу так, что после двух, трёх суток нахождения под землёй, когда их поднимали наверх, он этот комбинезон просто сдирал с кожей. А от ледяного ветра кости просто «скручивало в один узел»... Там отец заработал страшный ревматизм, с которым потом мучился всю свою жизнь... Он пробыл в шахте более года, а потом, разыскав своих родных, присоединился к ним.

... Бабушка Анна, оборудовав с младшими мальчиками землянку, так там и жила вместе с тремя оставшимися с ней сыновьями и дочкой. От холода и голода спасал лес. В лесу можно было нарубить дров для самодельной глиняной печки, собрать грибов, ягод да трав для чая. Из всего этого делали на зиму запасы – тем и питались. Не умереть с голоду помогло и то, что бабушка Анна хорошо готовила, и её часто приглашали в ближайшие деревни помочь подготовить стол для праздничного застолья, а за это давали кое-что из продуктов. Так они жили целых семь лет, шесть из которых с ними был Михаил. И только потом они получили разрешение вернуться домой...

Однако на этом несчастья, преследующие их семью, не закончились.

Перед самым отъездом из Сибири единственная девочка в их семье, восьмилетняя Леночка, пошла с соседкой в лес по ягоды, да так обе и не вернулись...

Матушка Филарета рассказала, что бабушка до самой смерти несла в себе эту боль...

– Бывало, сядет у окна и смотрит, как там люди ходят. И всё ждала, что её Леночка вернётся...

...Вернувшись из ссылки, бабушка Анна решила женить своего старшего сына Михаила. Их деревня, куда они вернулись после ссылки, располагалась вдоль реки. Дома были расположены следующим образом: с одной стороны жила родня по линии будущего отца матушки Филареты, а с другой стороны – родня её будущей мамы. И бабушка Анна, хорошо зная своих односельчан, выбирает сыну невесту. И на следующий день чуть свет отправляет сына свататься, снабдив его, как было тогда принято, платочком и кольцом.

К тому времени будущий дедушка матушки Филареты (Владимир) уже был вдовцом. У него, кроме грудного ребёнка, были ещё две девочки. Его жена умерла, когда малышу не было ещё и месяца... А случилось это несчастье ранней весной, когда она отправилась в город, который располагался на другом берегу реки, чтобы обменять молоко и картошку на хлеб, масло, мыло, спички и другие необходимые для семьи вещи. Когда она возвращалась, за ней погнались хулиганы. И тогда, не дойдя до моста, чтобы сохранить всё, что наменяла, она пошла прямо через реку, держа над собой узелок с продуктами и вещами. Вода была не просто холодной – в ней кое-где был ещё лёд, и она, переохладившись, тяжело заболела, да так и не оправившись, умерла...

– Моя мама рассказывала, – вспоминает Матушка, – когда дедушка Владимир дал своё согласие на её замужество, она была совсем молоденькой. Ей было всего 17 лет, а отцу – уже почти 30. Но её ведь никто не спрашивал, просто родители дали своё согласие и всё... Мама говорила, когда мой будущий папа принёс ей платочек с кольцом, она понятия не имела зачем и хотела уже бежать с девчонками гулять. А отец её как отругал! Сказал, что завтра уже станешь женой, а всё по гулям бегаешь. Так и началась их семейная жизнь...

К тому времени у Михаила Александровича (будущего отца матушки Филареты) была жива только мама (её будущая бабушка Анна), а у Дарьи

Владимировны (будущей её мамы) – только папа (её будущий дедушка Владимир). Жену Михаилу привести было некуда. Тогда ведь к ссыльным относились, мягко говоря, очень настороженно, и жильё получить было практически невозможно. Но Михаил, будучи тактичным и воспитанным человеком, как сказала Матушка, сумел каким-то образом убедить местную власть, и его семье дали маленькую комнатку в бараке. Он в эту комнатушку, кроме молодой жены, забрал и всю свою семью: маму и троих своих братьев.

Сегодня нам, привыкшим к определённой уюту и комфорту, даже представить невозможно, насколько сложно было жить в таких условиях молоденькой девушке. И это, не говоря обо всех остальных бытовых неудобствах. Ведь ей, живя в маленькой комнатке среди четырёх взрослых мужчин, пришлось взвалить на свои девичьи плечи не только свою семью, но ещё троих братьев мужа и его больную маму. При этом она готовила, стирала, убиралась, в общем делала всё, что полагалось хозяйке дома. А свекровь, строго блюдя семейные устои, не позволяла ей снимать платок и длинную юбку даже на ночь...

В этой маленькой комнатке родились две старшие сестры матушки Филареты – Мария и Зинаида. Так они все вместе и жили до тех пор, пока отец с братьями не построили свой дом.

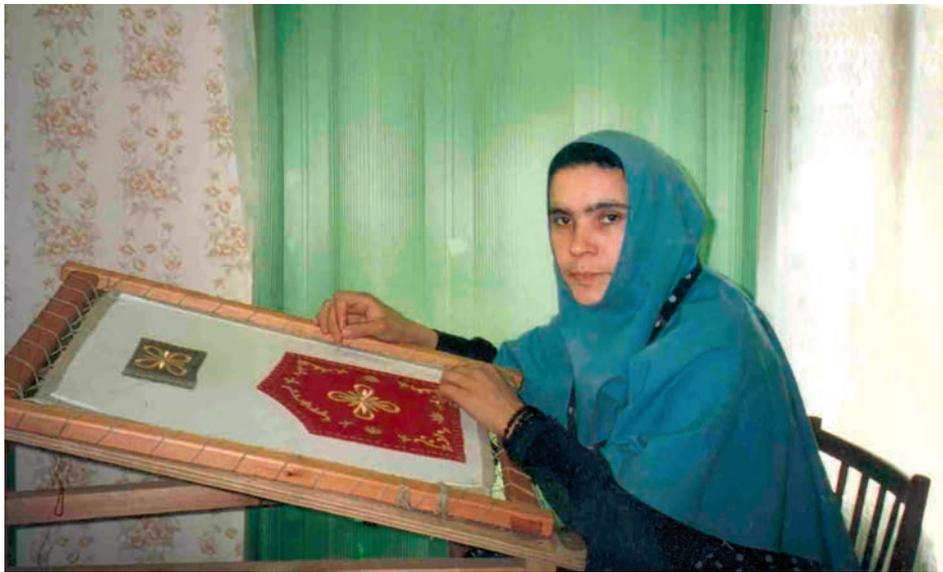
Через какое-то время женился ещё один брат, и дом разделили на две части, а для двух оставшихся братьев построили ещё один дом, также разделив его на две части. Но к тому времени в их семье было уже четыре девочки...

Отец матушки Филареты всю жизнь мечтал о монашеской жизни, но он не мог себе этого позволить, ведь у него была большая семья, и, как глава рода, нёс ответственность как за своих детей, так и за свою больную маму. Но всё же, каждый раз возвращаясь из храма, он был взволнован настолько, что даже его дети в тот момент не понимали, что происходит с их всегда таким уравновешенным и спокойным отцом...

– Уже после того, как моего отца не стало, – продолжила игумения Филарета свой рассказ, – бабушка Аня рассказывала, что в хрущёвские годы, когда было закрыто и разрушено огромное количество монастырей, храмов и церквей, одним из последних закрывали Ново-Нямецкий

Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь до восстановления, Дивеево, 1990-е гг.

Инокния Татiana, Дивеево, 1994 г.

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий и епископ Исилькульский и Русско-Полянский Феодосий при посвящении в сан игумении монастыря монахини Филареты, 2012 г.

Игуменья Филарета с насельницами монастыря, подворье Мары, 2013 г.

монастырь в Приднестровье. Этот монастырь был в своё время построен учениками преподобного Паисия. Монастырь был очень красивым, его называли «райским уголком». Туда шли люди со всех городов и деревень. Бабушка рассказывала, когда, будучи ещё юношей, мой отец оказался в этом монастыре, он, стоя близ кафедры, крепко держась руками за резное ограждение, ни за что не хотел уходить и только тихо плакал... А его мама, хорошо понимая своего сына, тогда ему сказала: «Ещё не время. Пойдём, Мишенька, домой. Пройдёт время, снова откроются монастыри, и ты обязательно вернёшься сюда и останешься здесь...» Сказала это так, словно знала всё наперёд... По её же рассказам, когда последним закрывали Ново-Нямецкий монастырь, чекисты загружали на машины всю монастырскую утварь. Они бросали иконы, книги, как простой хлам... Люди стояли вокруг на коленях и умоляли отдать им хоть что-нибудь... И один из них, словно насмехаясь над ними, бросил в толпу Напрестольное Евангелие... И больше ничего так и не спасли... Бабушка говорила, что когда она обернулась в поисках отца, он стоял в стороне от всех и тихо плакал...

Мама матушки Филареты, Дарья Владимировна, также всю жизнь мечтала о монашестве. Впервые она поняла это, когда носила под сердцем второго ребёнка. И тогда она, понимая, что её мечте пока не суждено осуществиться, стала ещё усерднее молиться...

Но была у родителей ещё одна мечта – чтобы у них родился сын и чтобы он обязательно стал священником. Но рождались почему-то одни девочки. И можно себе представить, каково было их счастье, когда, наконец, родился мальчик. Назвали его Серёжей. А через несколько лет у них родилась ещё одна девочка. Так большая семья, в которой росла Татьяна (ныне матушка Филарета), пополнилась самым младшим членом их семьи – сестрой Викторией. Но к этому времени, когда в семье появился на свет последний ребёнок, произошло множество интересных событий.

...Так получилось, что с самого раннего детства опеку и заботу над всеми детьми взяла на себя вторая по старшинству сестра – Зинаида, став первой маминой помощницей. А самая старшая сестра, Мария, которой в первую очередь надлежало быть главной маминой помощницей, больше уделяла времени учёбе и чтению.

– Надо сказать, – продолжила свои воспоминания Матушка, – наша Зинаида была очень лёгкой на подъём. Мне казалось, что ей так легко всё даётся. Она успевала и с нами позаниматься, и по хозяйству всё сделать. Мама рассказывала, что когда Зинаиде было где-то лет 8, не больше, она, находясь большую часть времени на работе, доверила ей всё: и нас, младших, и дом, и хозяйство... И она уже тогда и за молоком сама ходила, и нас этим молоком поила... А ещё я помню, когда Зинаида стала постарше, она заменила нам маму, так как на ней лежал весь дом. Она и ремонтом занималась, и шила нам то жилетик, то платице, то юбочку... Помню, садится за швейную машинку, а нас поставит перед собой, чтобы мы ей пели. Зинаида очень любила припев из Акафиста Покрову Божией Матери: «Радуйся, Радосте наша, покрой нас от всякого зла честным твоим омофором...». Именно она научила нас всему...

Отец, когда его дети были ещё рядом с ним, радовался, что у него так много дочерей, и всё время говорил, что «это хорошо – будет много внуков». И понятно, ведь девушки были молоды и красивы, да и соседские парни, часто заглядываясь на них, не прочь были взять их в жёны. Однако они были очень скромными и ни одна из них не отвечала взаимностью на напористые ухаживания парней.

Отец же, мечтая о том, что выдаст своих дочерей замуж и что они будут жить рядом с ним, построил в пригороде Кишинёва огромный каменный дом. И потом, приезжая к этому дому, подолгу бродил по пустым комнатам... Этот большой красивый дом так и остался стоять, пугая местных жителей своим величием и пустотой...

– В то время нам как-то было не до парней, – застенчиво улыбаясь, продолжила Матушка. – Нам тогда было интересно другое... Помню, была у нас одна прихожанка, которая в своё время переехала к нам из Болгарии. Она была глубоко верующей и занималась сбором пожертвований для храмов, а также организовывала паломнические экскурсии по святым местам. А тогда организовать такую поездку было очень сложно. Но все, кто ехал с ней, понимая тяжёлое положение монашества и священства, везли с собой продукты кто что мог: кто мешок картошки, кто капуста, кто свёклы, кто масла подсолнечного канистру... И однажды, собрав лю-

дей для поездки в Почаевский монастырь, она пригласила в эту поездку мою сестру Зинаиду. А сестра тогда работала продавцом в магазине. Она быстренько взяла отпуск за свой счёт и поехала в Почаево... А было это перед Великим Постом...

Матушка замолчала надолго, а потом вдруг спрашивает меня:

– А Вы были в Почаеве?

– Не довелось, – ответила я с сожалением в голосе.

– Да что Вы, – воскликнула Матушка. – Эта же такая красота! Почаевский монастырь стоит на горе, словно парит в воздухе! Огромные красивые ворота!.. Нет, это невозможно передать словами! Это нужно обязательно увидеть! И моя сестра, увидев всю эту красоту, была так поражена, что никуда оттуда не захотела уезжать... А это мужской монастырь... И в то время в монастыре жило много калек и нищих. Днём они просили милостыню, а на ночь там же оставались на ночлег. Раненько утром, в 4 часа, их будили на службу... Таков был распорядок... Мама очень переживала за Зинаиду. Девочка ведь совсем... Маме оставалось только молиться о ней... И только ближе к Пасхе мы получили от Зинаиды письмо... Мама сразу же собралась и поехала в Почаево в надежде вернуть Зинаиду домой. Но сестра, как мама её ни уговаривала, не захотела возвращаться и осталась там... Так и жила в монастыре весь пост и все Пасхальные дни... Батюшка, видя её желание, сказал ей: «Не хочешь ли ты в монастырь?» Она, не задумываясь, ответила: «Да...» и только спросила у него: «В какой?». Батюшка благословил её в Киев... И она, вернувшись домой, собрала вещи и уехала...

– Мама всю жизнь нас учила, – после долгого молчания продолжила свой рассказ матушка Филарета, – как нам себя вести – что можно делать, чего нельзя... И всегда говорила нам: «Выбирайте свой жизненный путь сердцем, а выбрав – никогда с него не сворачивайте, как бы трудно вам ни было... И чтобы потом ни в чём никого не винили, так как сделали свой выбор сами...» Так наша Зинаида и поступила...

Дарья Владимировне, оставшись без помощи дочери Зинаиды, на которую она всегда полагалась, было очень тяжело. Да и остальные дочери уже начали искать своё предназначение в жизни. И она, как и любая мать, переживала, что её дети скоро разлетятся из родного дома. А ведь у неё у самой ещё была несбывшаяся мечта – принятие монашеского пострига.

И тогда, чтобы она смогла осуществить свою мечту, её муж, Михаил Александрович, принимает решение о разводе, после чего уходит жить к своей матери. И Дарья Владимировна остаётся одна...

Но обо всём по порядку.

После того как сестра Зинаида оказалась в Киевском Покровском женском монастыре, Татьяна, которая в ту пору была ещё совсем маленькой девочкой, со своей старшей сестрой Еленой часто ездила к ней в гости, оставаясь там на долгое время. Сёстрам нравился и сам монастырь, и его строгий уклад, и даже трудности, которыми была полна жизнь монастырских насельниц, не пугали их. Приезжая к сестре, они ходили с ней на богослужения и помогали насельницам монастыря во всех работах по его восстановлению...

– В то время недалеко от нас жил старец Гавриил (Царствие ему Небесное), – вспоминает матушка Филарета...

...Прежде чем продолжить своё повествование, я хочу рассказать читателю о старце Гаврииле, о котором поведала мне игуменья Филарета. Я просто не могу не рассказать о нём, так как в жизни их семьи, да и в её собственной жизни он сыграл не последнюю роль...

История его прихода в монастырь или «прихода к Богу», как говорит Матушка, очень необычна. Когда ему было всего лет 6, он ушёл из дома. Просто оставил дом и ушёл. Как уж он там сумел пройти десятки километров один, никто сегодня не расскажет. Но, как говорит Матушка: «На всё воля Божия». Так и он с Божией помощью дошёл до Каприянского монастыря, размещавшегося в Молдавии (ныне Молдова). Там его встретили наместник и братия и, пожалев маленького ребёнка, приняли к себе. А потом его настолько все полюбили, что со временем доверили ему прислуживать им в алтаре. Так прошло два года. Родители сбились с ног в поисках своего сына, но однажды, посещая Каприянский монастырь, они увидели, что в стихаре со свечой стоит он, их сын... Родительскому счастью не было предела, и по понятным причинам первым их желанием было забрать сына домой, однако не тут-то было. Он ни в какую не хотел покидать монастырь. И родители, ещё какое-то время поговаривав, подчинились его желанию, оставив его там на попечение монахов. Так он и остался в монастыре на всю жизнь...

Стройка храма Святителя Николая Чудотворца, Маровская пустынь, 2011 г.

Крестный ход с иконой Божией Матери «Избавительница», Мары, 2011 г.

Игуменья Филарета и отец Филофей (справа), Афон, 2013 г.

Торжественная встреча по случаю прибытия в Крестовоздвиженский монастырь частицы Животворящего Креста Господня, 2013 г.

– Так вот, старец Гавриил, – продолжила свои воспоминания Матушка, – жил в Каприанском монастыре, а после его закрытия нашёл своё пристанище при Кафедральном соборе в городе Кишинёве. Он долгое время жил там, выполняя посильные послушания. Но нашлись такие, которые, видя, что к нему за молитвой и советом постоянно идёт огромное количество людей, то ли от ревности, то ли от зависти изгнали его из собора... Неравнодушные люди помогли ему купить маленький домик недалеко от собора, и он там продолжал жить и помогать людям, которые по-прежнему шли к нему сплошным потоком... Ему дано было видеть многое... Отец Гавриил часто навещал моих родителей. Они вместе пили чай и подолгу беседовали. Он знал, что у нас утонула одна из наших сестёр, и видел, как горевали родители. И хотя после её гибели родились ещё две сестры, но родители всё равно горевали... А отец часто говорил: «Вот бы Боженька ещё и сыночка нам дал». И однажды отец Гавриил сказал им, что у них будет сын. Именно он сказал, чтобы родители назвали его Сергеем, точно предсказав, когда он родится и его будущее... А когда родился Серёжа, он сам его и покрестил, а потом часто называл его ангелочком... Наш Серёжа, когда был маленьким, действительно был похож на ангелочка. У него были светлые кудрявые волосы. Мы, сёстры, его очень любили и баловали...

Брат Серёжа... Надо сказать, что к тому времени, о котором пойдёт дальше речь, Серёжа уже был хорошо знаком со Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой, так как бывал там не один раз. Сёстры сажали его на поезд, следовавший до Загорска (ныне Сергиев Посад), договаривались со своей знакомой, жившей в то время в городе, чтобы она его встретила. Она встречала и отводила его к отцу Крониду на просфорню. Отец Кронид по-отечески тепло относился к Серёже и называл его не иначе как Серёжка и всегда брал его вместе с семинаристами и батюшками на службу...

Шли годы... Татьяна окончила школу и наступило её время выбора жизненного пути...

– Я стояла на распутье, – вспоминает Матушка. – Старшая сестра Мария хотела, чтобы я, как и она, вышла замуж и создала свою семью, а Зинаида, уже пожив в монастыре, хотела, чтобы я приехала к ней. Мы с сестрой Еленой к тому времени уже не раз бывали у неё в гостях и знали все мона-

стырские правила жизни. И я решила: «Съезжу-ка я к ней в Киев». Елена поехала со мной. А для себя я решила, что поезжу по монастырям, посмотрю всё ещё раз, а уже потом решу, как мне быть дальше...

Сначала сёстры пожили у Зинаиды в Киеве, затем поехали в Загорск в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, затем в Эстонию в Пюхтицкий Успенский монастырь... В общем, поездили они с сестрой по монастырям, посмотрели их уклад, пообщались с насельницами... И был это 1984 год...

Попутешествовав по святым обителям и окунувшись в жизнь, которую несли монастырские насельницы, Татьяна так прониклась к монастырской жизни, что решение приобщиться к этой жизни пришло, как само собой разумеющееся. И чтобы воплотить своё решение в жизнь, она вместе со своей сестрой снова возвращается в Загорск.

Сёстры сначала разместились недалеко от Загорска, в небольшом городке Струнино, у своих знакомых. Со временем они сняли комнату в одном из частных домов, расположенных недалеко от Лавры.

Татьяна с сестрой так хотели быть в Троице-Сергиевой Лавре, что не гнушались никакой работы.

– То время было очень интересным, – вспоминает Матушка, – мы для себя открывали всё заново... Каждое утро мы спешили на братский молебен и службу, общались с батюшками. Это было какое-то невероятное время... Ощущение верха блаженства после каждой службы, не говоря уже о Литургии и Причастии... Мне кажется, тогда всё было иным и даже люди тогда были другими – добрее, что ли...

Через время старшей сестре Елене, так как она окончила пищевое училище, предложили работу в Лавре на продуктовом складе. Да и для Татьяны время, проведённое в Троице-Сергиевой Лавре, прошло не даром. Там она научилась многому: шить, вязать, вышивать, мастерить разные поделки. Получив все эти навыки, она долгое время работала в швейной мастерской Троице-Сергиевой Лавры.

Так в трудах и молитвах прошло долгих четыре года. Наступил 1988 год.

В тот год был великий праздник – 1000-летие Крещения Руси. Открывались соборы, храмы. И к этому большому празднику было запланировано открыть первый женский монастырь.

– Самые большие празднования 1000-летия Крещения Руси проходили в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, – продолжила свои воспоминания

матушка Филарета. – Это было так грандиозно и красиво! На праздник съехались архиереи, настоятели, игумении, монашествующие и даже высокопоставленные чиновники со всех уголков мира...

Матушка рассказала, что помнит не только празднование 1000-летия Крещения Руси, но и как проходил Архиерейский собор, на котором выбрали Патриарха Алексия II, да и многое-многое другое.

Все её воспоминания – это воспоминания о юности, становлении характера, закалке воли.

Ей, тогда ещё совсем молоденькой девушке, было интересно всё. Затянув дыхание, она наблюдала за монашеским постригом молодых ребят, ещё не отдавая себе отчёта и не совсем понимая, почему каждый раз, присутствуя на постриге, испытывает непередаваемый трепет... Присутствуя в Троице-Сергиевой Лавре, в Троицком соборе у мощей преподобного Сергия Радонежского на монашеском постриге, она с замиранием сердца слушала их обеты, уже понимая, что те, кто даёт обет, осознанно выбрали свой путь... Видя, как молодые ребята «тянутся на крест», она испытывала необъяснимое волнение и трепет одновременно. И именно в те минуты она серьёзно задумалась о монашеском пути для себя.

– В тот год, когда праздновалось 1000-летие Крещения Руси, мы с сестрой Еленой поехали посмотреть, как открывается первый женский монастырь. Не знаю почему, но у нас было такое желание увидеть всё это собственными глазами...

Матушка рассказывала о том времени, и я живо представила себе двух молоденьких девушек, приехавших в незнакомое место с огромным желанием быть свидетелями и участниками такого грандиозного по тем временам события. Они надеялись, что увидят красивые стены старого монастыря, но увидели совсем иную картину.

Вот как об этом рассказывает Матушка:

– Мы приехали с сестрой в Ярославль, затем оттуда на такси доехали до посёлка Толга, где и размещался монастырь... Сейчас там находится Свято-Введенский женский монастырь. А в тот год как раз планировалось его открытие. Так вот, приезжаем мы туда и видим – перед нами огромные железные роликовые ворота, высокие стены, а поверх стен колючая проволока. Как оказалось, в старинном монастырском комплексе размещалась колония для заключённых. А мы приехали, думая, что там уже всё

готово к открытию... Мы же совсем молодые были... Мне тогда было чуть больше двадцати лет, а Лена на два года старше. И с нами была ещё одна девушка чуть постарше... Нажимаю кнопку звонка, охранник выходит и спрашивает: «Чего вам надо?» Мы ему: «В монастырь...» Он нас пропустил, посмотрев на нас как-то странно... А было это ранней весной. Вокруг грязь, слякоть... Идём мы по территории, охранник с огромной овчаркой открывает перед нами двери, и все они на железных засовах... А вокруг обшарпанные корпуса... Зрелище было, конечно, не просто плачевное – пугающее...

Даже боюсь себе представить тот страх, ужас и смятение, которые охватили тогда девушек, увидевших это место. Они-то ехали с надеждой, что увидят стены и здания монастыря, пусть и в запустении, но монастыря.

Как потом стало понятно, в полуразрушенном состоянии был весь комплекс зданий, оставшихся от старого монастыря. Из всех, кто жил тогда за этими стенами, были только священник да несколько человек из охраны. И больше – никого. Одна из комнат была оклеена простыми бумажными иконами, а алтарь отделяла шторка, сшитая из простыней. В этой маленькой, неудобной, холодной комнатке долгое время, пока шли восстановительные работы, и совершались все богослужения.

Сестёр и девушку, которая приехала с ними, разместили в одной из комнат, в которой прежде жили заключённые. Девушки долгое время были вынуждены спать на ржавых скрипучих двухъярусных железных кроватях, на которые были брошены такие же старые потрёпанные матрасы, оставшиеся от бывших заключённых...

Но юность не знает преград. И Татьяна с сестрой, имея огромное желание и горение в сердцах, приступили к работе...

Через какое-то время Татьяне нужно было вернуться к себе на работу в Троице-Сергиеву Лавру, а Елену попросили остаться помогать по кухне.

– Я так переживала за Елену, – вспоминает Матушка. – Одни охранники кругом да Батюшка, который приезжал только на службы. Но Господь всё управил... Я тогда ещё работала и не могла остаться с ней в монастыре, но каждый выходной ездила к ней. Приеду, проведу её, помогу, чем могу, и – обратно.

Чуть позже в монастырь приехала матушка Варвара, ставшая тогда старшей сестрой (ныне игумения Варвара). Матушка сначала присматри-

Игуменья Филарета в Иерусалиме, 2015 г.

День жён-мироносиц, Крестовоздвиженский монастырь, 2015 г.

Игуменья Филарета в храме женской колонии в праздник Светлой Пасхи Христовой, Нижний Новгород, 2016 г.

Игуменья Филарета с воспитанницами воскресной школы, Нижний Новгород, 2017 г.

валась к Елене, а однажды, после Литургии, благословила её надеть подрясник...

И когда в следующий раз Татьяна приехала к сестре, та была уже в подряснике. А через время, на праздник святого князя Владимира (28 июля 1988 года), и Татьяну благословили на подрясник. Так она, как и её две старшие сестры, осталась в монастыре...

– Вообще, если говорить о моменте принятия монашества, – чуть дрожащим от волнения голосом продолжила свой рассказ Матушка, – этого не

передать, не объяснить словами невозможно. Это настолько трогательный момент, словно ты воспаряешь в небеса, и тебя эти небеса принимают, окутывая своею негой... Не знаю, как это можно объяснить одним словом... Но этот момент перехода – это верх блаженства, но только, если ты полностью отдаёшь себя в руки Божие... И то ощущение лёгкости, безмерного счастья и благодати, которое ты испытываешь после пострига, не сравнить ни с какими мироощущениями... Но при всём этом сказать, что принять решение о монашестве очень просто, не могу... Для меня это был очень переживательный момент... Я не спала

всю ночь, молилась, чтобы мне открылось, как поступить, а к утру я уже была совершенно спокойна, так как решение мною было принято окончательно и бесповоротно...

Монашеский путь... Много общаясь и беседуя с монашествующими, я для себя поняла одно – этот нелёгкий путь не для каждого. Пройти его по силам только тем, кого Господь Сам допускает. А для этого должна быть великая, всеобъемлющая и всепоглощающая вера. И тогда Он подаёт свою помощь, так как испытания, которые выпадают на долю монашествующих, выдержать простому человеку, лишённому веры и помощи Божией, просто невозможно. И надо понимать, что никого из тех, кто выбирает

монашеский путь, никто не неволит. Они абсолютно свободны в своём выборе, однако всё равно выбирают именно этот путь...

Слушая воспоминания Матушки о тех далёких днях, когда они трудились над восстановлением первого женского монастыря, мне даже сложно себе представить, как у тех совсем юных девушек, коими они тогда были, хватало сил на тяжелейший труд, который они выполняли изо дня в день. Им приходилось таскать цемент, кирпичи, разбирать старые стены, красить, белить, в общем, делать всё, что требовалось при строительстве. А ещё на их плечах лежали все хозяйственные работы да ещё пошив одежды, ведь сестёр в монастыре по-прежнему не хватало. На то время, кроме нескольких сестёр, были только послушницы да трудницы, которые то приходили, то уходили. Не все выдерживали. Но Татьяна с сестрой с Божией помощью выдержали и это испытание... Как говорил Великий Старец Паисий Святогорец: «Бог подаёт помощь тем, кому она необходима из-за того, что ничего нельзя сделать человеческими силами...»

– Да, было нелегко. Тогда не было ничего – ни посуды, ни скатертей, – продолжила свой рассказ Матушка. – Мы использовали старые ложки, оставшиеся от заключённых, на которых были выбиты имена и клички, да старые, выдавшие виды, миски и кружки. Но нам тогда казалось, что сам воздух в монастыре, несмотря ни на что, был пропитан благодатью. Была вера, такое горение в сердцах и счастье, что мы причастны к такому великому таинству, как открытие одного из первых женских монастырей, что все остальные неудобства и неуютность казались чем-то обыденным...

Когда основные работы по благоустройству подошли к концу, сёстры сами сшили и постельное бельё, и скатерти, и одежду для монашествующих и священнослужителей. В общем, сделали всё возможное и невозможное, чтобы в монастыре было всё необходимое, и он приобрёл к открытию надлежащий ему вид...

– После открытия монастыря я должна была поехать в Приднестровье, – немного помолчав, воскрешая в памяти те давние события, продолжила Матушка свои воспоминания. – Было где-то начало 90-х годов... Тогда владыка Викентий был хиротонисан во епископа Бендерского Кишинёвской епархии, и меня благословили помочь ему. И где-то в это же время моего брата забрали в армию. Он попал в десантные войска...

Вообще у нас брат всегда был такой самостоятельный, за нами смотрел, мог сам приготовить и всех накормить, сам пришивал себе пуговицы, хотя столько сестёр, и мы с удовольствием за ним ухаживали. Он и в армию пошёл, считая, что каждый мужчина должен, несмотря ни на что, пройти и эту часть своего пути. И надо сказать, что в армии его очень уважали. Командир всегда ставил его в пример, так как Серёжа, привыкший дома к порядку и дисциплине, всегда очень чётко выполнял свои обязанности и никогда никому не жаловался. Ему даже предлагали остаться в армии... Мы же, сёстры, очень скучали по нему – он-то у нас один, и поэтому мы друг за дружкой ездили к нему в Николаев, где размещалась его часть. Мы приезжали к нему, снимали комнатку, чтобы побыть с ним... Ему давали увольнение, а мы специально для него брали гражданскую одежду. А в те самые 90-е годы везде было очень беспокойно. Но мы всё равно ездили, так как брату очень хотелось бывать в храме. Он переодевался в гражданку, и мы с ним шли в храм. Он был в эти минуты таким счастливым, просто весь светился... В один из наших приездов к нему мы пошли в храм. И вот мы подходим к храму, а в этот момент улетали самолёты на боевое задание... И так получилось, что взлетали они одновременно со звоном колоколов... А в это же время в храме пели «Иже Херувимы». Это было так невероятно... На улице – самолёты и звон колоколов, а в храме – тихое божественное пение... И тогда я подумала, что это было не просто так, что мы приехали и забрали его... И действительно, как мы потом узнали из его рассказа, очень многие ребята не вернулись обратно... Так Боженька отводил от него беды не один раз... Был случай, когда у машины, на которой он перевозил солдат, отказали тормоза... И когда машина уже была почти на краю обрыва, тормоза вдруг сработали и все остались живы... Тогда никто не понял, что произошло, а брат потом всю ночь тихонько молился, благодаря Господа за чудесное спасение молодых ребят...

...В то время, когда инокиня Татиана наконец собралась в Приднестровье, брат заканчивал свою службу в армии, а старшие сёстры Зинаида и Елена уже жили по монастырям. Дома оставалась самая маленькая сестрёнка Виктория. Тогда же их мама готовилась уйти в монастырь... И чтобы дать возможность маме побыть это время в уединении, Татиана, поехав к владыке Викентию (Морарю) – ныне митрополит Ташкент-

ский и Узбекистанский, взяла с собой младшую сестрёнку. А в Приднестровье в то время шла настоящая война...

– Мы с сестрой приехали в Бендеры и долго там сидели, не могли никак выехать в монастырь, – вспоминает Матушка. – Туда очень редко ездил транспорт. А в Бендерах стрельба... Самоходные машины ездят туда-сюда, танки... Конечно, было страшно, но выбора у нас не было – ехать-то надо... Помню, когда мы, наконец, дождалась машину, нас посадили в кузов и повезли. Везли через минное поле, на котором обычными палками с красными тряпками была отмечена узкая дорога, по которой можно было передвигаться. А справа и слева – мины... Вечерело, и водитель ехал очень медленно, боясь сбиться с пути... Так, с Божией помощью мы добрались до Ново-Нямецкого монастыря...

Татьяна осталась с сестрой на некоторое время в монастыре, чтобы на первых порах помочь и поддержать владыку Викентия. Они сопровождали Владыку в поездках на службу в храмы, потому что в то страшное военное время мужчин, независимо от того, Владыка он, монах или простой рабочий, не пропускали без проверки через контрольно-пропускные пункты. И даже были случаи, когда священнослужителей обвиняли в том, что они в своих храмах на колокольнях прячут снайперов. Именно поэтому при Владыке всегда был кто-то из насельниц монастыря, так как к женщинам бандиты относились более лояльно и не так строго проводили проверку.

– Но однажды, – чуть дрожащим голосом продолжила Матушка свои воспоминания, – ни я, ни кто-либо из монахинь не смогли с ним поехать... Владыку на одном из блокпостов вытащили из машины... Водитель приехал без него... Служба тогда прошла без архиерея... Он вернулся только к вечеру...

Матушка замолчала, пытаясь справиться с волнением, а потом, незаметно смахнув слезу, продолжила:

– Мы с сёстрами тихонько плакали, а он только твердил: «На всё воля Божия...» Позже его водитель нам рассказал, что Владыку увезли на допрос, заставляя признаться в шпионаже... А потом отпустили и сказали: «Иди...» Но с Божией помощью дошёл... Да, сказать, что было страшно, ничего не сказать...

В таком повседневном страхе за жизнь Владыки, сестры, за свою и за жизнь тех, кто жил в монастыре, инокиня Татиана прожила около года.

На подворье Крестовоздвиженского монастыря, Маровская пустынь, 2012 г.

Игуменья Филарета на всенощном бдении, 2012 г.

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий в день престольного праздника в Крестовоздвиженском монастыре, 2016 г.

Литературно-музыкальная постановка «Филаретовский вечер» в Нижегородской духовной семинарии, 2017 г.

Игуменья Филарета в Храме Христа Спасителя в день освящения иконы Святителя Филарета Московского на его мощах, Москва, 2017 г.

– И потом, через много времени, я решила съездить туда... То поле, через которое мы ездили на службу, было всё в крестах, а военные блокпосты стоят и сегодня, только не стреляют...

Да, многое пришлось повидать и пережить Матушке и много разных воспоминаний, которые порой перемешиваются и по времени, и по событиям, за которыми даже сложно уследить. Но вот воспоминания об отце проходили «тонкой нитью» по всему её рассказу...

Судьба отца... Сибирь, монастыри, затем возвращение домой, женитьба, дети... Он, как отец, делал всё для того, чтобы в их семье всё было гармонично: вера, взгляды на жизнь, отношение к труду и общее желание – служить Богу и людям. И у него самого всё сложилось так, как он хотел. В том же Ново-Нямецком монастыре, в котором ещё в юношеском возрасте он мечтал о монашестве, он, уже убелённый сединой, принимает монашеский постриг. Там, на холодном каменном полу он «тянется на крест», ему поют «братья», а чуть позже, в этом же монастыре, в день святого Николая его рукополагают во диакона. Владыка Викентий, рукополагая его, сказал только одно: «Раз принял монашество, надо исполнять любое послушание». Так отец матушки Филареты стал священником. Три года он служил в этом монастыре, занимаясь просфорами. Он смастерил небольшую духовку прямо у себя в келье, в которой и выпекал просфоры для богослужения. И снова совпадение (или Промысл Божий), но ведь и пострижен он был Великим Постом (22 марта 1992 года) в честь преподобного Феофана Печерского в этом же монастыре. И там же он и завершил свой земной путь... Такая была у него судьба или, как сказала Матушка: «Господь, дав ему надежду в юношестве, приблизил его к Себе и дал ему Божественное утешение, потому что он ради любви к Господу выдержал все ниспосланные ему испытания...».

– Да... Каждому из нас Господом уготован свой путь, только надо слушать своё сердце и идти за Ним, и он всё управит... Так и наш отец прошёл свой путь. Я хорошо помню день его ухода в монастырь... Перед этим отец собрал нас всех дома. Это было как раз перед днём Ангела владыки Викентия. Мы съехались тогда все. Помню, привезли подарки, сидели все довольные, шутили. А он почему-то смотрел на нас и плакал, а потом, после всех празднований, когда уже мы разъехались, вдруг узнаём, что

он ушёл в монастырь. Это для нас было чудо... Все знали, насколько он привязан к своему дому, и мы не один раз его звали с собой, но он только улыбался в ответ, говоря, что «всему своё время»...

Но первой приняла постриг мама. Это было 7 июля 1991 года, в праздник Рождества Иоанна Предтечи. До этого мама очень долго болела, и владыка Викентий благословил её на подрясник. Это случилось в Ново-Нямецком монастыре, и там же она приняла монашеский постриг. Во время пострига присутствовал отец. Он держал свечу. Но ему, приглашая его на это таинство, не сказали, что среди других будет и она. И когда он увидел, что постригается в монахини его жена, приняв имя Доминика, был поражён, настолько неожиданно это было для него... Но потом через время и сам совершил этот шаг... Да, у каждого своё время... Как говорится, «у Бога всё бывает для тех, кто умеет ждать...»

Итак, старшие три сестры и брат уже были в монастыре. Дома оставалась одна младшая сестрёнка Виктория. Однако и она, поездив со своей старшей сестрой по святым обителям, также попросилась в монастырь. А было Виктории в ту пору 15 лет... И ровно через год и её благословили на подрясник. Так, самая младшая из сестёр матушки Филареты также сделала свой выбор, став, как и её старшие сёстры, монахиней...

В то время, когда матушка Филарета (тогда ещё инокиня Татяна) по благословению владыки Викентия приехала с сестрой в Дивеево, в Серафимо-Дивеевский во имя Святой Троицы женский монастырь, там только на первых сестёр надели подрясник. Жить было негде. В самом монастыре было всего несколько келий, в одной из которых проживала игуменья Сергия (Конкова). Остальные сёстры жили в деревне близ Дивеево.

Шли всё те же 90-е годы. Основная часть молодёжи тогда уехала на заработки в большие города, а в деревне оставались одни старики да та часть молодёжи, кто не смог нигде устроиться. И в большей степени это были парни, которые от безделия пили, воровали да хулиганили. Такое было время...

– Деревенские парни, – продолжила свой рассказ Матушка, – каждую ночь бросали камни в окна дома, в котором мы жили, да ещё и орали всякие непристойные слова. Страшно было... А в Дивеево были тогда

только Троицкий собор да колокольня, где жили некоторые сёстры. А там, где сегодня размещается трапезная, был сельский клуб. Мы шли к себе домой, а молодые ребята, особенно парни, оскорбляли нас, всяко обзывали, а иногда даже пытались нападать. Однажды на одну из сестёр напал пьяный хулиган... Она шла по Богородичной канавке, а он на неё всяко орал, а потом хотел на неё наброситься... Что его удержало, никто так и не понял, но он как-то вдруг попятился назад и завыл страшным голосом, а она тихонько, читая шёпотом молитву, пошла дальше... А однажды напали на нас троих прямо с ножом. И этот огромный нож хулиган поднёс прямо к виску одной из нас и так страшно орал: «Монашки...» А сестра стояла и молилась... Его это так поразило, что он опустил нож... А мы, тихонько молясь, пошли дальше... Наша матушка Сергия, чтобы укрепить нас, всегда говорила, что мы все под защитой Царицы Небесной...

Сёстрам приходилось дежурить и в монастыре, в том числе и по ночам. И там было всякое... И снова их спасала молитва... Да и в доме было не менее страшно. Многие из монахинь боялись спать по ночам, а если и засыпали, то закрывали голову подушкой, чтобы камень, брошенный в окно, случайно не попал им в голову. Местные не только хулиганили и сквернословили, они ещё и воровали у сестёр живность.

– Было и такое, что среди ночи вдруг что-то стучало то по крыше, то по стенам... А вокруг никого не было... И нам тогда казалось, что какая-то неведомая сила пугала нас, словно проверяя на прочность нашу веру... Нашей защитой от всего была молитва... Так вот мы в постоянном страхе, спасаясь молитвой, и жили долгое время, пока нас не перевели в монастырские кельи, которые уже к тому времени отремонтировали...

Когда в монастыре были готовы монашеские кельи, радости сестёр не было предела. Не пугало даже то, что разместили их в этих кельях по несколько сестёр в каждой. Главное для них было то, что все они были при монастыре, и что тот страх, с которым они жили долгое время, наконец закончился...

В Дивеево инокиня Татиана пробыла более десяти лет. Там она несла послушание в швейной мастерской, а также выполняла другие послушания, как и все сёстры обитатели. Два года инокиня Татиана

была старшей сестрой в Выездном на Дивеевском подворье в честь преподобного Сергия Радонежского, которое размещалось в городе Арзамасе.

В Арзамасе, как и везде в то время, царили разруха и запустение. Храм преподобного Сергия Радонежского поднимали практически с нуля. И снова инокиня Татиана трудилась наравне со всеми. Многое ей пришлось пережить и претерпеть. А потом было благословение на новое послушание...

На сей раз это был женский Абабковский монастырь во имя святых воинов Великомученика Георгия Победоносца и Преподобного Николая Славянина, размещавшийся в Павловском районе Нижегородской области, на самом берегу реки Оки. Владыка Георгий сказал тогда Матушке только одно: «Надо и там поспособствовать...»

– Тяжело было, чего скрывать... Но послушание не выбираешь, а когда ты в полном послушании, на трудности не обращаешь внимание... Молишься и делаешь своё дело, понимая, что всё, что ты делаешь, – во благо людей...

После послушания в Абабковском монастыре владыка Георгий снова благословляет инокиню Татиану «поспособствовать» и направляет её на новое послушание в Нижегородский Крестовоздвиженский монастырь, где, к слову сказать, она несёт своё послушание и сегодня. И был это 2004 год...

– Сказать, что это был монастырь, – вспоминает Матушка, – можно было с трудом, так как от него осталось только одно название. Вокруг были сплошные развалины, всё было засыпано мусором, а в развалинах жили бомжи, наркоманы и крысы... Царила страшная антисанитария. Вонь стояла такая, что даже подойти к этому месту было страшно. Уцелели только один небольшой корпус и там, где сейчас колокольня, ещё один маленький корпус. Мы привели их в порядок. В первом корпусе обустроили молельную комнату в честь святой преподобномученицы Елисаветы, где и совершались первое время все богослужения... Службы совершал приходской священник отец Николай Дяур, который жил с семьёй в этом же корпусе, только наверху... Там же, где шли богослужения, в одной из комнат мы с сёстрами оборудовали трапезную, а сами разместились над трапезной...

Схиархимандрит Илий (Ноздрин) и архидиакон Илиодор (Гариянц) с игуменией Филаретой, Крестовоздвиженский монастырь, 2018 г.

Архимандрит Лаврентий в Крестовоздвиженском монастыре, 2018 г.

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий с игуменией Филаретой после вручения ей медали благоверного князя Георгия Всеволодовича I степени, 2018 г.

Освящение домового храма в честь святителя Филарета Московского, Крестовоздвиженский монастырь, 2019 г.

...Итак, матушка Филарета начала своё, на мой взгляд, невероятно сложное послушание по восстановлению Крестовоздвиженского монастыря. Надо сказать, что владыка Георгий наблюдал за ней, втайне боясь, что она, как и несколько сестёр, которые были на этом послушании до неё, просто сбежит. Он даже, вызвав к себе батюшку Николая, приказал ему приобрести телефон для инокини Татианы и сообщить ему номер. И время от времени позванивал, чтобы узнать – не сбежала ли она... Шёл всё тот же 2004 год...

– Сейчас даже страшно вспомнить всё... Но с Божией помощью осилили, – тяжело вздохнув, чуть слышно прошептала Матушка...

Видя сегодня красивейший храм, ухоженный двор, уютные кельи, чистую и ухоженную трапезную, даже представить сложно, что здесь ещё каких-то 17 лет назад была мусорная свалка...

Но надо учесть то, что кроме монастыря Матушке приходилось одновременно выполнять и другие послушания: и по восстановлению подворья Крестовоздвиженского монастыря в селе Быдреевка, и по восстановлению храма-часовни в честь иконы Божией Матери «Животный источник» на святом источнике, который называется «Баранов ключ», а также работать над восстановлением Маровского Крестовоздвиженского монастыря (Маровская пустынь), где также в то время были сплошные овраги, бурьян и разруха...

Вспоминая свой приход в Крестовоздвиженский монастырь, Матушка сказала, что в то время монастыри только восстанавливались – в каждом из них царили нищета и разруха. Сёстры жили в холодных кельях с решётками на окнах. В питании особого выбора тоже не было. Собирали грибы, ягоды, травы для чая. Что-то выращивали у себя в небольшом огороде, за которым весь сезон заботливо ухаживали. Из всего, что удавалось собрать и вырастить, делали на зиму заготовки... Так и жили... При этом не пропускали ни одной службы, а всё оставшееся время занимались восстановлением монастыря...

– Как говаривала некогда матушка Александра (преподобная Александра Дивеевская), основавшая Дивеевский монастырь: «В основу жизни сестёр ставились, наряду с непрестанной молитвой, неустанные труды во благо обители с полным отсечением своей воли». С тех пор так и повелось...

Хочется сказать и ещё об одной особенности Матушки. Она очень тепло относится к матушкам (жёнам священников), понимая, что для того, чтобы батюшки неукоснительно несли свою службу, матушки берут на себя все заботы и по дому, и по воспитанию детей. Сама она говорит об этом так:

– В наше время матушкам, воспитывающих детей, намного тяжелее, чем было раньше. И тогда было тяжелее, но мне кажется, что тогда всё было проще, люди были крепче, воздух чище... Я всегда матушкам сочувствую. Они, как и насельницы монастыря, должны обладать кротостью, должны делать многое, но незаметно для других, оставаясь в тени своего мужа. Хотя и в этой сложности есть свои плюсы... Однажды я наблюдала за сыном священника. Мальчик лет восьми, не больше. И я, наблюдая за ним, увидела, что у него все качества взрослого человека... Зная его отца, понимала, что это качества отца. Но он ведь его и не видит совсем, но каким-то образом впитывает всё, что происходит вокруг. И в этом большая заслуга матушки. Мама разговаривает с ним, как со взрослым человеком, а он всё слушает и понимает. А у папы ведь столько послушаний, что он просто ничего не успевает. Он затемно уходит и затемно приходит, но сын всё это видит и понимает, почему его отец так поступает... И вот это тоже момент воспитания... А всё остальное – полностью лежит на плечах матушки... Вот это истинный труд...

Указом Пресвященнейшего епископа Георгия от 2 сентября 2004 года инокиня Татиана, насельница Свято-Троицкого Герафимо-Дивеевского монастыря, была назначена настоятельницей Крестовоздвиженского монастыря.

23 марта 2006 года Высокопреосвященнейший Георгий, архиепископ Нижегородский и Арзамасский, совершил постриг инокини Татианы в мантию с наречением имени Филарета, в честь святителя Филарета, митрополита Псковского, а в канун Пасхи, в день Великой субботы 22 апреля того же года, настоятельница Крестовоздвиженского монастыря матушка Филарета была награждена золотым наперсным крестом (по должности).

22 июля 2012 года монахиня Филарета была возведена в сан Игумении Высокопреосвященнейшим Георгием, архиепископом Нижегородским и Арзамасским.

Матушка рассказывала о роли отца и матери в воспитании детей, а я, слушая её, представила их семью и поняла, что в их большой семье воспитание было на высоком духовном уровне. Об этом само за себя говорит то, что почти все члены этой семьи посвятили свою жизнь монашескому подвигу. И это безусловно заслуга их родителей. Ведь только сильная и крепкая духом семья может воспитать личность, способную на духовный подвиг.

Все члены их семьи и сегодня, несмотря на то, что каждый из них носит монашеский чин, переживают и по возможности поддерживают друг друга.

Так, брат матушки Филареты всегда поддерживает свою старшую сестру. Например, 22 июля 2012 года, когда матушка Филарета была возведена в сан игумении митрополитом Нижегородским и Арзамаским Георгием, Его Высокопреосвященству сослужил её брат – епископ Бишкекский и Киргизский Феодосий (ныне епископ Исилькульский и Русско-Полянский). Владыка Феодосий на этом празднике с теплотой вспоминал былые времена. Вспомнил время, когда он был студентом Московской духовной семинарии, а владыка Георгий – экономом Троице-Сергиевой Лавры, а также время, проведённое им в кругу своей семьи. Он признался, что ему очень радостно быть свидетелем важнейшего события в жизни своей родной сестры.

И это действительно очень знаковое событие не только в жизни самой матушки Филареты, но и в жизни всей обители. Ведь матушка Филарета стала первой игуменией после долгих десятилетий закрытия монастыря, преемницей всех игумений обители в дореволюционный период, а также преподобной Феодоры Нижегородской, основательницы Нижегородского женского монастыря.

Можно сказать, что для древнейшей женской обители началась вторая жизнь. И это произошло под руководством благословенной Господом и Церковью игумении Филареты. И сегодня она, направляя и вразумляя монастырских насельниц, является «нитью», которая соединяет духовную связь между прошлым и будущим монастыря.

Многое ещё можно рассказать об игумении Филарете, о её прекрасной семье и о насельницах монастыря, однако я не на всё имею право.

Да и из всего, что поведала мне Матушка, я не услышала ничего, что касалось бы лично её. Она с теплотой рассказывала о своих родителях, о родных сёстрах и брате, о своих названных сёстрах и об их непосильных трудах, а о себе... Совсем немножко... Да и то «немножко», что она мне поведала, я оставляю для себя, как память об ещё одной незабываемой встрече, о которой буду с благоговением помнить всю свою жизнь...

Однако, подходя к концу своего повествования о матушке Филарете, хочу добавить, что для написания этого небольшого очерка мне пришлось приезжать в Нижний Новгород очень много раз. И в каждый свой проезд я старалась пообщаться с прихожанами. И все, с кем мне удалось поговорить, очень тепло отзывались об игумении Филарете.

Например, молодой человек по имени Дионисий сказал: «Она для меня настоящая матушка, которая и к вере помогла прийти, и во всём направляет, помогает и поддерживает». А в конце, перекрестившись, сказал: «Слава Богу, что она с нами...»

Одна из прихожанок по имени Галина, по совместительству и помощница Матушки, сказала просто: «Она наша матушка...». А затем рассказала, как матушка Филарета в день Ангела Галины, коих у неё в помощниках целых три, сама сварила им уху. А затем за трапезой, на которую она их пригласила, поздравив с днём Ангела, собственноручно угостила этой ухой и их, и сестёр монастыря. «Это

Вся семья, за исключением единственной из всех, оставшейся в миру Марии Михайловны Гажу, проживающей сегодня в Сергиевом Посаде, положила свою жизнь служению Господу...

РОДИТЕЛИ:

Отец: Михаил Александрович Гажу) – иеромонах Феофан (13.10.1929–22.01.1995);

мать: (Дарья Владимировна) – схимонахиня Серафима (17.03.1938–09.11.2021);

сёстры:

Зинаида – ныне монахиня Филофеев;
Елена – ныне игумения Еротиида;
Татиана – ныне игумения Филарета;
Виктория – ныне монахиня Викентия;

брат:

Сергей – ныне епископ Исилькульский и Русско-Полянский Феофан.

было очень приятно и трогательно. Забота, как от мамы», – добавила она.

Ещё одна прихожанка по имени Татьяна сказала: «В нашей Матушке соединены и великая духовность, и доброта, и великая любовь ко всем своим чадам. Она замечает каждую мелочь, от неё не ускользает ни наше плохое настроение, ни наше плохое самочувствие... И так во всём. Матушка – наша великая молитвенница... Она молится за всех нас, а мы молим Господа, чтобы она подольше была с нами...»

Такого же рода отзывы я прочла не только о Матушке, но и о монастыре, и о его насельниках, оставленных благодарными паломниками в Сетях. Один из них меня особенно заинтересовал:

«Бог есть в душе у каждого. Его надо чувствовать сердцем, видеть и чувствовать благодать намоленных сотнями лет святых мест... А когда говорят, что там продают свечи, книги, занимаются коммерцией... Извините, а как иначе сегодня выжить, как содержать в порядке храм, иконы, чем кормить насельников? Всё это диктует время, просто нельзя переходить черту...»

Я попросила игумению Филарету сказать своё мнение об этом отзыве, на что она, улыбнувшись, сказала:

– Я благодарна паломнице за тёплые слова... Да, наука спасения души – самая важная и самая сложная... Она постигается долгими трудами... Надо молиться... А по поводу излишеств?.. Какие уж тут излишества? С утра до вечера послушания, богослужения... Просто всем надо понимать, что монашествующие – те же обычные люди, как и все, просто они выбрали иной путь – путь служения Богу и людям. Но им также, как и любой из вас, хочется и уюта, и тепла, и доброго слова. И мне, в свою очередь, хочется и угостить своих насельниц, и побаловать их в праздники, коих у них не так много, и похвалить за их усердие. И машина монастырю нужна. Сегодня без этого никак. Но всегда надо помнить, что на нас смотрят тысячи глаз, с нас берут пример, и мы просто не имеем права никого не оскорбить своим поведением и не обидеть ни словом, ни жестом, ни поступком... Ведь каждая из нас выбрала путь служению Богу, и какие бы Господь ни посылал нам испытания, мы через всё должны пройти... В этом и есть путь монашества – через боли, скорби, через испытания прийти к наивысшему познанию Истины...

Слушая Матушку или, как я привыкла говорить, «идя по тонкой нити её судьбы» к её «наивысшему познанию Истины», я подумала, что такое самоотречение и такая самоотдача могут быть только при величайшей любви к Богу и людям, ради которых она и несёт своё послушание. Хотя, осмысливая всё, что поведала мне игумения Филарета, могу с уверенностью сказать, что это не просто послушание, а великий духовный подвиг, который изо дня в день совершают все монахини. Ведь они, выбрав монашеский путь, следуют ему беспрекословно, «благодаря Богу и за радость, и за боль»...

В этом и заключается великий монашеский подвиг...

Январь 2021 года

Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ

Основала Зачатьевский монастырь, вошедший впоследствии в Крестовоздвиженский, святая великая княгиня Нижегородская Анастасия в XIV веке. Она же, приняв схиму с именем Феодора, стала его первой настоятельницей.

После 1917 года монастырь был закрыт, часть храмов снесена, а оставшийся Крестовоздвиженский собор и часть корпусов были переоборудованы под различные хозяйственные нужды.

Его возрождение было положено только в 1995 году митрополитом Нижегородским и Арзамасским Николаем (Кутеповым). В сентябре 1999 года в Крестовоздвиженском соборе состоялось первое богослужение. А уже в 2004 году на заседании Священного Синода под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II было принято решение о его открытии.

После возвращения исторического статуса святой обители монастырь приобретает то благолепие и чистоту, которые были до разорения.

В 2009–2013 годах был возрождён к жизни Крестовоздвиженский храм в селе Быдреевка, входящий в подворье монастыря (ныне это территория Городецкой епархии).

Восстановлена жизнь в Маровской Крестовоздвиженской обители, основанной в середине XVII века, которая была фактически полностью стёрта с лица земли в советское время. В обители были построены храм в честь Святого Николая Чудотворца и дом для сестёр (2008–2012 годы). Ныне эта обитель принадлежит Лысковской епархии.

Также был полностью восстановлен храм-часовня в честь иконы Божией Матери «Живородный источник» на святом источнике, который на-

зывается «Баранов ключ», он также относится к монастырю. Размещён в деревне Козловка Кстовского района.

На территории самого Крестовоздвиженского монастыря действуют три церкви: Главный собор в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня и Нижний храм в честь Иверской иконы Божией Матери, где захоронены игумении обители, и ещё один домовый храм в честь святителя Филарета, размещённый в игуменском доме.

К монастырю относится и подворье, на котором размещён трёхпрестольный Богоявленский собор. Это подворье находится в селе Богоявление Дальноконстантиновского района. На подворье ещё идут восстановительные работы.

Игуменья Иулиания, бывшая насельница Крестовоздвиженского монастыря, теперь настоятельница Крестовоздвиженского Быдреевского монастыря, а также её помощницы монахиня Мария и монахиня Серафима, которая возглавляет Островоезерский монастырь, – все они бывшие насельницы Крестовоздвиженского монастыря.

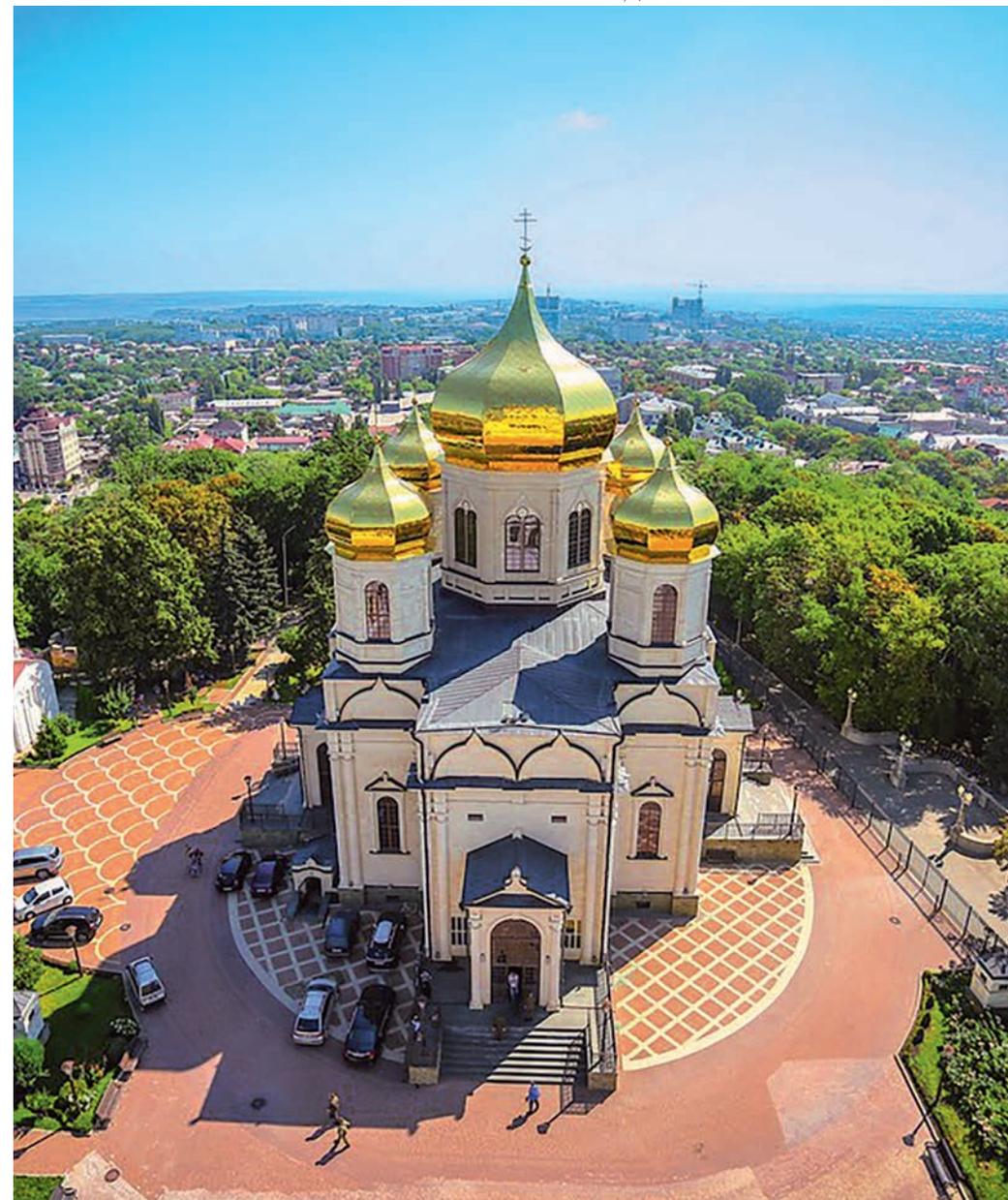
Как написано в книге «История Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря»:

«После возвращения исторического статуса святой обители монастырь приобретает то боголепие и чистоту, которые были до разорения. В праздничные и воскресные дни Крестовоздвиженский собор, о существовании которого ещё несколько лет назад мало кто знал, заполняется верующими так, что порой не хватает всем места. И это самая лучшая благодарность и награда, которыми утешает и укрепляет Господь своих кротких инокинь за их трудолюбие, самоотверженность и веру. Духовный свет обители, украшающей, как драгоценный венец, главу города, осеняющей его всепобеждающим и животворящим Крестом, этот свет по-прежнему разливается и по всему Нижнему, и на 50 вёрст, и далее!..».

Спешите в мир нести добро...
В ответ не ждите поощрений,
Ни благодарности, ни умилений –
Так уж в веках заведено...
Но, вопреки всем «заветам»,
Без тени всякого сомненья...
Несите в этот мир добро...

Ставропольская митрополия
Собор Казанской иконы Божией Матери в Ставрополе

Игуменья Иоанна (Лихоманова)

«Монахи, а особенно монахини – это цветы, которые могут расти только в оранжерее, то есть в изоляции от мира; развей стекло оранжерей – и холод погубит цветы...»
Архимандрит Рафаил (Карелин)

ПО ЗАКОНАМ МИЛОСЕРДИЯ И ЛЮБВИ

Первое, что бросается в глаза, когда пересекаешь границу Ставропольского края, – бесконечные просторы зеленеющих лугов и стройные ряды тянувшихся вверх тополей. Но что удивило меня больше всего – это то, что все деревья, стоящие вдоль дороги, аккуратно побелены и обрезаны. И так по всему пути следования по Ставрополю. А ещё удивительнее, что вместо привычных соек и ворон, ищущих пропитание на обочинах дорог, здесь бродят разноцветные фазаны. Ещё одна отличительная особенность пейзажа Ставропольского края – череда гор, напоминающих высокие холмы, да извилистые предгорья с редкими порослями кустарников.

Так, любуясь красотами этого замечательного края, я добралась до Ставрополя – города, куда и лежал мой путь.

Первое впечатление, которое на меня произвёл город, – ухоженность и чистота улиц. Когда мне говорили, что этот город называют «город-сад», я не поверила, но сейчас, проезжая по его, иногда немного замысловатым улочкам, утопающим в розовом цветении абрикосовых деревьев, увидела множество небольших скверов и больших парков, огромное количество зелёных насаждений и различного вида клумб. К сожалению, всей красоты цветения города я увидеть не смогла, так как весна только набирала силу, но и того, что увидела, оказалось достаточно, чтобы полюбить этот уютный, старинный городок, которому более двух веков.

Однако цель моего приезда в город – это не только любоваться красотами города. Мне предстояла встреча с настоятельницей Ставропольского

Иоанно-Мариинского женского монастыря игуменией Иоанной, благословение на описание жизненного пути которой я получила от митрополита Ставропольского и Невинномысского Кирилла (Покровского).

Посетив уже не один монастырь, я представляла, что первое, что я увижу, будут высокие монастырские стены. Однако моему взору предстала совсем иная картина...

Среди высоток и торговых рядов вглубь тянулась узенькая тропинка, которая шла вдоль невысокой, местами прерывающейся стены, выложенной, словно наспех, из старых камней. Эта тропинка привела меня к невзрачным железным воротам и такой же невзрачной железной калитке, рядом с которыми висела вывеска «Городская психиатрическая больница», а ниже, на небольшой дощечке от руки написано: «Вход в монастырь» и указатель, куда идти.

Войдя на территорию монастыря через выдавшую виды калитку, я оказалась среди старых, полуразрушенных строений. С обеих сторон дороги стояли два обветшавших здания, на окнах которых отчётливо виднелись местами уже проржавевшие решётки. Как я поняла – здания психиатрической больницы. Чуть дальше стояло несколько небольших, но уже отреставрированных зданий, на одном из которых возвышался купол с крестом. Пройдя в глубь территории, я увидела полуразрушенную алтарную стену, а ещё дальше – каменные развалины, среди которых было несколько надгробий с крестами. Ниже лежал большой овраг, в котором был посажен сад и виднелись ровные ряды грядок с зеленеющими всходами.

Идя по пусть и не совсем ухоженной территории монастырской обители, меня не покидало ощущение, будто вокруг неё, несмотря на отсутствие стен, существует некая невидимая ограда, которая хранит её покой, а город и прилегающая к монастырю больница где-то далеко, за этой незримой оградой. И именно она оберегает обитателей монастыря от всякого рода искушений, царящих за её пределами. А там, где начинались монастырские владения, царил не просто иной дух, здесь даже воздух казался чище...

От моих мыслей меня отвлек громкий разговор. Повернувшись в сторону, откуда доносились голоса, я увидела Матушку, которая, жестикулируя руками, что-то громко объясняла группе рабочих. Я поняла, что это и есть матушка Иоанна, и направилась к ней.

Увидев меня, Матушка широко улыбнулась и направилась ко мне навстречу. Она шла не спеша, придерживая чёрную рясу и аккуратно переставляя ноги, чтобы не споткнуться о строительные материалы, которые кучками лежали повсюду. Её неспешная походка, неторопливые движения и добрая светлая улыбка как-то сразу расположили к себе.

– Вы ко мне? – спросила она, подойдя ближе.

Ответив утвердительно, я представилась. Матушка обрадовалась моему приезду и сразу же повела по территории монастыря, попутно рассказывая, что они успели сделать за годы после его открытия и что ещё предстоит им сделать...

А в это время в небольшом домике (с куполом и крестом на крыше), который временно заменял насельникам и прихожанам храм, начиналось праздничное богослужение, ведь я приехала в монастырь в Лазареву субботу. Матушка, извинившись, направилась в храм. Я также поспешила за ней, однако прихожане, расступившись и освободив проход для Матушки, тут же сомкнули свои ряды. Пройти внутрь, побыть на службе и посмотреть, что представляет из себя убранство храма, не было никакой возможности, так как народу было столько, что часть из них стояли даже на лестничных ступеньках. Так я и осталась стоять на улице, слушая доносящиеся до меня тихие молитвенные песнопения Батюшки и монашеского хора в ожидании, пока Матушка освободится и сможет уделить мне время.

После праздничного богослужения Матушка сначала пригласила меня в трапезную, где за праздничным обедом она продолжила свой рассказ о монастыре. Затем, осмотрев небольшое помещение, которое временно заменяло храм, мы прошли в её кабинет. Он представлял собой маленькую комнатку, находящуюся в проходе между монашескими кельями и храмом. Там и состоялась наша долгая беседа.

– Вы, когда вошли на территорию монастыря, наверное обратили внимание на алтарную стену, – преодолев некоторое смущение, начала свой рассказ матушка Иоанна. – Так вот, алтарная стена и часть территории, в том числе и место, где во время раскопок найдено основание храма с погребениями, ещё принадлежат больнице... Изначально, когда открывался монастырь, руководство лечебницы, да и многие врачи приняли насельниц в штыки. Но потом, увидев наше усердие и желание помогать людям, смяг-

чились, а некоторые даже сказали, что, когда больницу закроют, перейдут к нам на работу. – Матушка улыбнулась и добавила: – Восемнадцать лет уже вместе...

Из её рассказа я узнала, что больница и раньше была при монастыре, только располагалась она за территорией. При ней даже был свой храм. А стены, которые сейчас частично окружают монастырь, возведены в 1955 году. Их сделал один равнодушный горожанин, выложив их из старых камней, оставшихся от разрушенных стен, первоначально окружающих монастырь.

– Монастырю раньше принадлежала огромная территория, – продолжила Матушка свой рассказ. – Однако с тех пор прошло много времени. И как напоминание – сохранившаяся часть аллеи старых акаций и несколько таких же старых построек, большая часть из которых уже давно принадлежит городу. Под монастырь нам выделили небольшую часть территории бывшего монастыря. И ещё ждём, когда земля, на которой сейчас размещается больница, также отойдёт нам. Там есть здания, которые можно будет отреставрировать и пользоваться ими. Пока же нам даже негде разместить всех насельниц, не говоря уже о послушницах и паломниках.

Матушка рассказала очень много интересного об исторических событиях, относящихся как к монастырю, так и к городу. А потом, отвечая на мои вопросы, незаметно перешла на рассказ о себе.

Из её рассказа я узнала, что игуменья Иоанна, в миру Лихоманова Анна Никандровна, родилась 15 октября 1955 года в селе Пятково Тюменской области. Родители Анны были простыми сельскими жителями и как большинство сельских жителей того времени глубоко верующими людьми. Живя в любви и согласии, родители воспитывали своих детей, коих у них было шестеро, в истинно православных традициях. Матушка так вспоминает об этом:

– Наша вера пошла от родителей: от нашего папы и от мамы... Когда мы росли, большая часть храмов и церквей была разрушена. А в оставшиеся ходить было запрещено, особенно детям – за это наказывали. У нас в семье родители не запрещали вступать ни в пионеры, ни в комсомол, понимая, что это всего лишь веяние времени. Но я сама сделала для себя выбор, чтобы не быть ни тем, ни другим... И в храм мы ходили, правда потихоньку, чтобы в школе не узнали... У нас в селе в то время храм был разорён, и мама возила нас в город Ялуторовск, где тогда сохранился единственный православный

Успенско-Никольский храм. Останавливались мы всегда у старосты храма отца Григория Конадкина. У него также была вся семья верующая. В храме мы исповедовались у отца Луки. Исповедь и Причастие были обязательными каждые выходные... Мы заходили на амвон, и Батюшка всех нас малышкой, как цыплят, собирал вокруг себя и у каждого спрашивал имя. А нам было так страшно, но он был такой старенький, ну, в нашем том детском понимании, улыбался так по-отечески, и постепенно страх уходил... Помню, там была красивейшая икона Смоленской Божией Матери, к которой мы прикладывались... А дома, по вечерам, папа читал молитвы сам. Он вставал в красный угол с иконами... И вот он начинает читать: «Слава тебе, Боже, слава Тебе, Царю Небесному, Утешителю...» А мы, чтобы кто ни делал, потихоньку начинали собираться и такой стайкой вставали возле него и вторили его словам. И мама папе помогала читать молитвы. Вот так мы всей семьёй и стояли у образов каждый вечер и молились... Во время молитвы у меня всегда было ощущение некоего трепета в душе...

И потом, когда Анна поступила в Тюменский машиностроительный техникум и должна была жить вдали от своей семьи, ей так не хватало той атмосферы, которая царил дома, не хватало вечерних и праздничных молитв. Более того, она была вынуждена скрываться от соседок по общежитию, чтобы перекреститься перед сном, прятать крестик, потихоньку от всех ходить на воскресные службы. И всё это делало её жизнь просто невыносимой. Именно поэтому, не окончив техникум, она по приглашению Григория Конадкина, который к тому времени вместе со своей семьёй переехал из Ялуторовска в Струнино, переезжает жить к ним. Это давало ей возможность быть поближе к Троице-Сергиевой Лавре – святой обители, уцелевшей в те лихие времена.

Имея неоконченное среднетехническое образование, Анна без труда устроилась на работу в районную больницу города Загорска (ныне Сергиев Посад). И было ей тогда 20 лет...

Через время, с благословения ныне почившего архимандрита Наума (Байбородина), духовника Анны, к ней, продав дом и купив новый дом в Струнино, переехала вся семья. Правда к тому времени старшей сестры Галины уже не стало, и её захоронили на родине...

Жизнь рядом с Троице-Сергиевой Лаврой была наполнена такой благодатью, что все три её брата: Василий, Дмитрий и Анатолий, отслужив в

армии, поочередно поступили в духовную семинарию. Там же учился сын Григория Конадкина, Александр. Анна к тому времени пела в смешанном хоре Лавры, которым руководил тогда ныне почивший архимандрит Матфей (Мормыль). Заметив её усердие, Батюшка прослушал и сам же рекомендовал Анну петь в хоре.

Александр со временем стал протоиереем и сейчас служит в Белгороде. Одна из сестёр Александра вышла замуж за брата Анны, отца Андриана (ныне почившего), а старшая, с которой она была очень дружна, сейчас ризничая в Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском женском монастыре – монахиня Любовь. Два других брата Анны также были рукоположены во священника и получили приходы в Ярославской епархии.

– Когда мои братья получили приходы, – вспоминает Матушка, – митрополитом Ярославским и Ростовским был, Царствие Небесное, Иоанн (Вендланд) – великий духовный труженик и учёный старец... Мои братья – честные труженики, и Владыка, заметив это, взял их к себе. Двое из братьев, кроме почившего архимандрита Андриана, до сих пор несут своё послушание в Ярославской епархии. Старший сейчас в Рыбинске – протоиерей Василий Денисов, духовник епархии, а другой брат, протоиерей Анатолий Денисов, – благочинный Брейтовского округа, там же, в Рыбинске.

Я слушала Матушку и видела, с какой любовью она говорит о своих братьях. А когда она вспоминала почившего брата – архимандрита Андриана, незаметно смахнула слезу. Однако, несмотря на печаль, вызванную воспоминаниями, рассказывала о нём с нескрываемой гордостью. Говорила, что он прошёл большой духовный путь и даже был какое-то время секретарём у Ярославского Владыки, ныне почившего, архиепископа Михея (Хархарова) или, как она его называла, «Владыченьки Михея».

Рассказала Матушка и о своей сестре Антонине Никандровне, которая также живёт в Ярославской области, в городе Тутаеве.

– Семья моей сестры Антонины также глубоковерующая. Дочка у неё замужем за священником, а сыновья – мастера-строители. Они строят храмы. Сами кроют храмовые крыши, делают купола, кресты для куполов... И вот они собрались вместе с другими нашими племянниками и там, в Тюменской области, в деревне Пятково, откуда родом наша семья, построили храм. Там раньше был храм Петра и Павла, но его в 1961 году сломали. И они выстро-

или на том же месте новый храм... И когда мы ездили на освящение храма, было видно, как сельчане, зная, что вся наша семья ушла в услужение Церкви, чтят и помнят семью Денисовых. Они ухаживают за могилкой нашей Галины, почитая её, как маленькую крупицу, оставленную нашей семьёй там, на родине... И сейчас, когда храм освящён и действует, нам обязательно, если кто-то здесь бывает из земляков, передают привет и тёплые слова благодарности...

Слушая Матушку, я всё больше поражаюсь, насколько переплетены судьбы людей, связавших свою жизнь со Святой Православной Церковью. Вот где воочию виден Промысл Божий, который, словно искусная кружевница, плетёт кружева духовных уз, соединяя между собой судьбы близких по духу людей...

Живя в таком благодатном месте и видя перед собой примеры братьев и иных семинаристов, с которыми ей приходилось общаться, Анна мечтала о монашестве. Архимандрит Наум, её духовник, всячески поддерживал. Но, как говорится в одной светской пословице, «мы предполагаем, а Бог располагает». И вот, во время очередного отпуска, Анна переезжает на время жить в Троице-Сергиеву Лавру. Отец Наум размещает её в келью к двум монахиням – Магдалине и Михаиле.

Вот как Матушка вспоминает о том времени:

– Матушки меня многому научили, и я многое от них познала. Они сидели за веру Христову... Очень много претерпели в заключении и чудом остались живы... Матушка Михаила была врачом, правда не успела закончить свой институт, её арестовали после 3 курса. Но в лагере её поставили работать врачом в госпиталь для заключённых. И она взяла себе в помощницы матушку Магдалину. Им приходилось там ухаживать и за тифозными больными, и за лёгочными... Вот такие у меня были духовные наставницы... В том же здании, где была наша с матушками келья, этажом выше жил, Царствие Небесное, протоиерей Тихон Пелих, который очень тепло относился к матушкам, часто сам приходил к ним, причащал их. Он был такого небольшого росточка, но великий старец. Его все называли Тихон Тишайший. Это был настолько духовный человек, что владыка Ювеналий (ныне митрополит Крутицкий и Коломенский) всегда посылал его служить в самые сложные места, где царили «непорядки». Проходило время, и там, где служил

Анна Денисова, 18 лет

Игуменья Иоанна у себя в келье

Игуменья Иоанна (в центре), три её брата (слева направо): протоиерей Василий Денисов, архимандрит Андриан (Денисов), протоиерей Анатолий Денисов и сестра Антонина, Тутаев, 2018 г.

В Прощёное воскресенье митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл посетил Иоанно-Мариинский женский монастырь, Ставрополь, 2016 г.

Митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл совершил всенощное бдение в Иоанно-Мариинском женском монастыре, Ставрополь, 2021 г.

отец Тихон, наступали покой и благодать. Вот такой силы был этот старец... А ещё у него была епитрахиль Иоанна Кронштадтского... И когда он исповедовал, клал эту епитрахиль на голову. Матушки, с которыми я жила, всё время мне говорили: «Ты, деточка, подходи к Батюшке почаще, эта епитрахиль не простая...» И мы все старались попасть к нему на исповедь, чтобы он покрыл нам голову этой епитрахилью...

Так, встречаясь с великими старцами и духовными людьми, Анна ещё больше укрепилась в своём желании посвятить себя монашеской жизни. Отец Наум, видя её желание, благословляет её на поездку в Эстонию, в Пюхтицкий монастырь, где она в качестве трудницы провела почти целый год. Ей очень хотелось жить такой же жизнью, как монашествующие, но игуменья Варвара (Трофимова), настоятельница монастыря, не благословила её, дав ей испытательный срок. Игуменья ставила её на клирос, иногда даже позволяя держать перед ней ноты.

– В то время, когда жила в Пюхтицком монастыре, я работала в сельской больнице в деревне Куремяэ, – продолжила свои воспоминания Матушка. – И вот однажды в монастырь приезжает архимандрит Иоанн (Крестьянкин). И все монахини монастыря поспешили к нему на исповедь, а я стою в уголке и думаю: «А мне-то можно или нет? Я же ещё простая трудница...». И так получилось, что все побежали к аналою исповедоваться, а я осталась в сторонке. А он выходит из алтаря и оказывается прямо напротив меня. Я решилась, подошла к нему первой и говорю: «Батюшка, я очень хочу в монастырь, а матушка Варвара не берёт. Говорит, что ещё молодая». А он мне отвечает: «Не спеши, поживи ещё в монастыре, а там всё и управится...»

Пробыв в монастыре почти целый год, Анна возвращается в Загорск (ныне Сергиев Посад), а её старший брат как раз заканчивал семинарию. И его друг, Николай Лихоманов, которому предложили служить у митрополита Иоанна (Вендланда), сделал ей предложение. Анна была в смятении, ведь она, получив благословение отца Наума, мечтала о монашестве.

– Я не знала, что мне делать, – вспоминает Матушка. – Спрашиваю совета у мамы. Мама сказала, что «за такого учёного и умного парня нужно выходить, а там – как Бог даст...» Я и согласилась, но прежде, чем повенчаться, мы с Николаем поехали к отцу Науму получить благословение. А для себя решила, если он благословит, выйду замуж, если нет, то нет... Отец Наум, принимая нас, улыбнулся загадочно и говорит: «Как же это вы друг друга

нашли?» А затем сказал просто: «Да будет на всё воля Божия...» – и дал нам своё благословение... Перед самым венчанием мы ещё съездили к отцу архимандриту Серафиму (Тяпочкину). Он нас также благословил, и мы, вернувшись домой, повенчались в Ильинской церкви в Загорске.

Так Анна Денисова стала Анной Лихомановой.

После рукоположения отец Николай с женой Анной был направлен в Воскресенский собор города Тутаева Ярославской епархии, где митрополитом Иоанном (Вендландом) был рукоположен сначала во диаконы, затем во пресвитера.

– Отец Николай был и вторым священником, и священником. Я на клиросе была, и псалмы читала, и певчей была, просто в храме работала, выполняя разные послушания. И хотя к тому времени у нас уже родилась дочь, я всё равно продолжала помогать мужу и доченьку брала с собой. А ещё я не забывала отца Наума, часто к нему ездила... И вот однажды, когда в очередной раз поехала к нему на Исповедь, он спросил: «Ну что, ты ещё не готова в монашество?» Я ему ответила, что у меня мама с папой старенькие на руках, дочь ещё не выросла, как же я могу их бросить?..»

Из рассказа Матушки я узнала, что в Тутаеве, где они тогда жили, в храме есть чудотворная икона Спасителя, по её словам, «трёхметровой высоты и красоты необыкновенной». И приложиться к ней приезжало много великих людей, среди которых были и лётчики-космонавты, и учёные, и политики, и знаменитые актёры. И все к ней обращались, как к Матушке. И вот один из них и говорит ей: «А Вам не обидно, что Вы такая молодая, а Вас все матушкой называют?». А она ему отвечает: «Посмотрите, сколько женщин в Тутаеве, а матушкой называют только меня... Значит, у меня иное предназначение...»

Матушка действительно всегда помнила о своём предназначении. Но только через много лет смогла осуществить свою мечту...

Прошло 20 лет. Анна схоронила своих родителей: мать, принявшую постриг с именем Магдалина, и отца, долгое время служившего пономарём в Ильинской церкви Загорска. Затем выдала замуж дочь и, сказав сама себе: «Вот и пришла моя пора», ничего не говоря мужу, засобиравшись в Загорск к отцу Науму. А для себя решила, что «как скажет отец Наум, так и поступлю».

– В один из дней я решила поехать к отцу Науму. Приехала я туда, сначала зашла в храм. Отец Наум как раз служил. Я тихонько, чтобы он меня не заметил, стою на службе, после службы вместе со всеми подхожу ко кресту... А он посмотрел на меня внимательно и говорит: «После службы зайдёшь ко мне...». Захожу я к нему, а он мне и говорит: «Ты сейчас домой не возвращаешься». «Хорошо, Батюшка», – только и ответила я...

После этой короткой беседы отец Наум сразу же отправил Анну в Вауловский Успенский скит. Там размещалась небольшая монашеская община. Некоторое время она несла там своё послушание, выполняя различного рода работы, и, самое главное, в свободное от послушаний время усердно молилась. А через какое-то время Анну Никандровну избирают председателем приходского совета в церкви преподобного Александра Свирского в селе Ваулово, где она пробыла долгих 5 лет.

Наконец отец Наум отзывает её из скита и благословляет на послушание во Владимирскую епархию, в скит Покрова Пресвятой Богородицы на Колпи, расположенный в Матвеевке. При этом он сказал ей: «Проживёшь там сорок дней, а через сорок дней вернёшься сюда, в Троице-Сергиеву Лавру». Анна Никандровна, как и велел ей отец Наум, прожила сорок дней в Матвеевском скиту послушницей, а затем вернулась обратно.

На мой вопрос, какие чувства она испытывала перед постригом, ответила:

– Те последние шаги к монашеству, которые мне довелось сделать в скиту, были для меня самыми сложными. Ведь я 25 лет прожила светской жизнью, с мужем, с родителями, с дочкой. А тут всё это надо оставить... И было ощущение, что я потерялась... Но было и иное ощущение, что это испытание моей воли... И уже к концу сорокового дня я начала ощущать такой невероятный покой в душе и такую благодать, что ничего, что было со мной прежде, уже для меня не имело никакого значения. Это всё осталось в той, иной моей жизни...

Вернувшись в Троице-Сергиеву Лавру и получив согласие супруга на расторжение брака, Анна получила благословение отца Наума на принятие монашеского пострига и стала готовить монашеское облачение.

– Получив благословение отца Наума, очень переживала, как же супруг будет жить один. Когда я сказала ему о своём решении, он сначала огорчился, но потом сам меня благословил и сказал: «Не беспокойся, Матушка, как-нибудь проживу». А отец Николай у меня непростой. Он до семинарии

окончил в МГУ механико-математический факультет, работал инженером в Академии наук в городе Алма-Ате. Там он общался с митрополитом Иосифом (Черновым). И именно Владыка утвердил его в намерении пойти в семинарию. Так что отец Николай – большой учёный и очень мудрый человек... А через какое-то время и он принял постриг. И он так быстро пошёл вверх, стал иеромонахом, игуменом, архимандритом, а потом его выбирают епископом. Святейший Патриарх Алексей II, принимая его перед наречением во епископа Вениамина, задал ему вопрос: «Где твоя супруга?», чтобы послать за мной. Он ответил, что в Ставрополе восстанавливает женский монастырь. Патриарх удивился, сказав: «Как далеко...» Он меня пожалел... Владыка Вениамин, когда у меня бывают трудные минуты, поддерживает, как может... С дочкой общаюсь, правда больше по телефону, но слежу за её жизнью, за жизнью внуков... Она теперь в Тутаеве поёт вместо меня в храмовом хоре, а мой старший внук у владыки Вениамина служит дьяконом... А владыка Вениамин сейчас епископ Рыбинский и Даниловский... Вот так неисповедимы пути Господни...

Я немного забежала вперёд, но так бывает, когда много событий переплетаются между собой и обо всех хочется немного рассказать. Но всё же вернёмся к тому моменту, на котором я остановилась...

Шёл 2002 год. И было Анне Никандровне в ту пору 47 лет...

Мне, привыкшей к светской жизни, к путешествиям, к общению с разными людьми, очень сложно представить те чувства, которые испытывают молодые девушки и женщины после окончательного решения о принятии монашеского пострига. Ведь это – на всю жизнь... И я всегда задаю матушкам этот вопрос. Матушка Иоанна сказала просто:

– Когда ты принимаешь решение стать монахиней и посвятить этому всю свою жизнь, ты словно отдаёшь всю себя служению Господу. А это – самое великое благо, которое может быть даровано человеку...

... Был воскресный день. На улице было морозно, а снег под светом луны сверкал и искрился. Но для трёх женщин, которые готовились к монашескому постригу, и сердца которых были наполнены светом и теплом, ни мороз, ни темнота на улице не имели никакого значения...

Постриг проходил в городе Хотьково, в Покровском ставропигиальном женском монастыре. Архимандрит Наум приехал уставший после вос-

В гостях у игуменнии Иоанны телеканал «Союз» (Екатеринбург),
Ставрополь, 2018 г.

Игуменния Иоанна в своём рабочем кабинете, Ставрополь, 2022 г.

Старец Илий (Ноздрин) с игуменией Иоанной в Иоанно-Мариинском женском
монастыре, Ставрополь, 2022 г.

Митрополит Зихнский и Неврокопийский Иерофей посетил женский монастырь, 2017 г.

кресных богослужений, но, несмотря на усталость, его глаза светились радостью оттого, что он сумел «привести в лоно Церкви три заблудшие души»...

Когда чин пострига подошёл к концу, сёстры монастыря со свечами в руках трижды обнялись с тремя новопостриженными, узнали их новые имена и, пожелав им «спасения во Господе», от души поздравили их...

Так три послушницы стали монахинями с наречёнными именами: Иоанна, Фекла и Олимпиада.

Целых два года матушка Иоанна несла своё послушание в Покровском монастыре. А затем она получила благословение на послушание в Успенский женский скит, в село Епифань

Тульской области в качестве старшей монахини. В то время там возрождался Успенский храм и ей вместе с другими монахинями приходилось работать на расчистке храма от скопившегося за годы забвения мусора, искать стройматериалы и много другое, что требовалось для восстановления храма.

Жили они неподалёку, в стареньком, ранее заброшенном доме. Сами его отремонтировали, навели порядок, создав себе необходимые условия

для жизни. Затем построили небольшой архиерейский домик. Матушке довелось и там немного пожить.

– Когда я была в Успенском скиту, – вспоминает Матушка, – к нам приезжали многие батюшки, поддерживали нас. Помню хорошо, как приезжал владыка Феогност (Гузиков) – ныне митрополит Каширский, викарий Патриарха Московского и всея Руси. У него родители тогда жили в Матвеевке, а я там пела в храме Покрова на Колпи. Хорошо помню, как мы тогда ходили к ним в гости, иногда помогали по домашним делам, так как они уже были совсем старенькими... Так вот приехал к нам владыка Феогност. А он был тогда настоятелем Троице-Сергиевой Лавры, а Куликово поле было подворьем Сергиевой Лавры. Мы все очень любили Владыку. Он такой статный

седой старец, аскет в полном смысле этого слова. Для нас его приезд всегда был событием... Вместе с Владыкой приехал отец Матфей (Мормыль) со студентами. Тогда на Куликовом поле был праздник Рождества Пресвятой Богородицы, а отец Матфей в то время был главным регентом Лавры... И вот, праздничный хор поёт, а тут я стою вместе с ними... Отец Матфей узнал меня и говорит Владыке: «Эта наша воспитанница...»

Позже, когда на Куликовом поле уже открыли Успенский храм, туда прибыл иеромонах Христофор (Цветков). И матушка Иоанна, имея водительские права, возила его на машине в храм на службы.

Матушка вспоминает:

– И вот он, открывая Царские врата, поёт: «Благословен, Бог...» А я одна стою на клиросе и пою «Аминь...», читаю Часы Святой Пасхи. Так вместе служили и первые службы, и первые Литургии...

Через какое-то время ей снова приходит весточка от архимандрита Наума, в которой он рассказывал ей о том, что в Ставрополе открывается монастырь, расписывая благодатные места, где он размещён. Описывает святой источник Серафима Саровского. Всё это он описал в таких красках, что Матушке захотелось побывать там и увидеть эти места своими глазами. И через время её вызывает к себе отец Наум.

Вот как об этом вспоминает Матушка:

– Вызывает меня отец Наум в Лавру. Я приезжаю к нему в храм. Он выносит мне большую служебную просфору и спрашивает: «Ты знаешь владыку Феофана?» Я ему отвечаю: «Да, я с ним встречалась, когда была ещё в Лавре». А он мне говорит: «Ну, вот и поедешь к нему, в Ставрополь. Он там сейчас всем управляет, и по его просьбе я отправляю туда монахинь, а ты будешь ими управлять». А я стою и думаю: «Как я там буду? Я же никого там не знаю». А вслух спрашиваю у прихожан, которые в это время были в храме: «Может есть кто из Ставрополя?». И тут одна прихожанка говорит: «Я из Ставрополя. Я Вам дам передачку для своих родных, Вы передадите её, а заодно и познакомитесь с ними, и будут у Вас там свои знакомые». И я сразу же как-то успокоилась и подумала: «На всё воля Божия, и там люди живут. Как-нибудь устроится...»

Приехала матушка в Ставрополь и сразу же в епархию к владыке Феофану (Ащуркову) – ныне почившему. Встретила Матушку помощница Владыки матушка Олимпиада, в будущем схимонахиня Ольга, также ныне

почившая. Встретила очень радушно, разместила её в гостевой келье и там, при епархии, Матушка прожила целую неделю. Всё это время она ходила на службы, знакомилась с окружением Владыки и всё время ждала, когда же её отправят в монастырь, о котором говорил архимандрит Наум.

– Где-то к концу недели вызывает меня к себе Владыка, – продолжила свои воспоминания Матушка. – Молча, ничего не говоря, выходит во двор, я за ним. Он садится в машину и велит садиться и мне. И вот мы приезжаем на территорию монастыря. А там ничегошеньки нет. Только одно старенькое здание, в котором прихожане, зная, что сюда скоро приедут монахини для восстановления монастыря, сделали в двух комнатках, расположенных на втором этаже, косметиче-

ский ремонт. Подкрасили, подбелили, нашли какие-то старые кровати, принесли кастрюли, посуду, постельное бельё, старые подушки, в общем всё, что на первое время было самым необходимым для жизни. Владыка мне говорит: «Ну, что приуныла? Раньше монахи в пустынях жили, сами себе кельи возводили, а тебе вон целых две комнаты приготовили». Ну, и я думаю: «Слава Богу, что хоть есть где жить... Монастырь – это же не какой-то бал в столице, это скорби и труды... Да и святой источник Серафимушки Саровского поможет...»

И был это 2004 год...

В то время с Матушкой были всего две монахини. Кое-как разместившись, начала Матушка думать, с чего начать восстановление монастыря. А тут зима пришла. В здании, в котором они разместились, сначала начали лопаться трубы, затем начались проблемы со светом.

– Всё было совсем старое, изношенное, – вспоминает Матушка. – А я все дела на себя принимаю, ведь тех сестёр, которые приезжали позже, нужно было обеспечить хотя бы самым необходимым. И первое время, надо отдать должное, помогали прихожане. Они несли всё: кто одеяла, кто постельное, кто продукты, а кто и тёплую одежду. Вот так мы и начи-

нали. Правда, некоторые сёстры приезжали и сразу уезжали... Ну, что ж... На то воля Божия... Значит, не готовы были ещё к трудностям...

Надо сказать, что в первые годы совсем небольшая часть территории святой обители была отдана под восстановление. Основная её часть принадлежала психиатрической больнице. И даже половина того старенького домика, в котором разместились Матушка с насельницами, также принадлежала больнице.

Через какое-то время стараниями матушки Иоанны освободили весь домик. Но даже эта небольшая победа требовала и времени, и труда. Надо было просить, уговаривать, обивать пороги местных властей с просьбами о подписании нужных документов. Так, «трусами и молитвами» со временем восстановили ещё пару домиков. Потом ещё. Так и пошло... В восстановленных домиках разместили кухню, прачечную, швейную мастерскую, затем отремонтировали кельи для монахинь и маленький домик под келью для настоятельницы.

– Сейчас мы восстанавливаем архиерейский домик, – продолжила Матушка свой рассказ. – А совсем недавно у нас здесь была делегация, в которую вошли: наш митрополит Кирилл, Юрий Яковлевич Чайка, губернатор, главный врач больницы, мэр города и другие достойные мужи. Мы обсуждали многие вопросы, касаемые восстановления монастыря. Юрий Яковлевич сказал, что будут искать помещение для психиатрической больницы, а всю территорию отдадут под монастырь...

Так, молясь и трудясь, матушка Иоанна и живёт, надеясь на скорейший возврат всей территории под монастырь, да чтоб хватило сил на его восстановление...

А тем временем в монастырь приезжают женщины со всех городов России, даже из Москвы. Многие из них остаются здесь: кто просто помочь, а кто и с желанием остаться здесь навсегда. Среди них много молодых девушек, которые хотят испытать себя. И хотя большая часть из них через время уходит, Матушка сильно не сетует, говоря: «Значит, не пришло их время...» А тех, кто остаётся, она принимает по-матерински, а если и пожурит, и повоспитывает, то никто не обижается. Как сказали мне насельницы, «делает она это очень мягко, находя свой подход к каждой».

Сегодня в монастыре более двадцати монахинь, не считая трудниц. По вечерам они вместе с Матушкой собираются за чаем, ведут разного рода беседы, решают проблемы. И всё вместе, сообща.

На территории монастыря действует воскресная школа. В храме, который размещён в небольшой комнатке на втором этаже, как и положено, проходят все богослужения. Их совершают три штатных священника: протоиерей Лев Киселёв, иерей Сергей Гришин, иерей Иоанн Ильядис и дьякон Алексей Маскотов. Здесь же покоятся мощи Игнатия Брянчанинова – бывшего Ставропольского епископа, который именно в этом месте написал свои книги о монашестве...

Уже на выходе из матушкиного кабинета, где проходила наша с ней беседа, она рассказала об одной из названных сестёр – сестре Досифее.

Матушка Досифея приехала в монастырь из Осетии. Приехала помолиться, да так и осталась здесь навсегда. Все вокруг зовут её отшельницей. Живёт она в овраге среди сада и грядок. Вырыла там себе несколько землянок – в одной у неё баня, в другой – кухня и отдельно – землянка для сна и молитв. А одну землянку она даже сделала для матушки-настоятельницы, так, на всякий случай. Так она и живёт – разрабатывает землю, делает грядки, ухаживает за садом. Как сказала матушка Иоанна: «Матушка Досифея любит работать с землёй и живёт там одна. А я и не противлюсь, каждый несёт послушание по силам...»

Когда мы с Матушкой выходили на улицу, на лестнице стояла та самая матушка Досифея, о которой мне несколько минут назад рассказывала Игуменья... Вот Вам и Промысл Божий...

Подходя к концу своего повествования, хочу добавить только одно, что по тому, как во время нашей беседы в разговор включались разные люди, жизнь в монастыре просто кипит. Заходил инженер подписать какие-то бумаги, затем печник, затем горожанка, которая испекла пряники для монастыря, Батюшка, чтобы поблагодарить за трапезу... А матушка Лии, которая «зашла на минутку», стала рассказывать о Матушке:

– Матушка знает все службы, все каноны наизусть. Первые годы, когда я слушала её Пасхальный канон, у меня слёзы текли градом. И какие-то песнопения, которые мы никогда не пели, она знает, порой импровизирует на тот манер, где она выросла, но это так красиво и так к месту, что мы только подпеваем и радуемся, что у нас такая Матушка...

Послушав матушку Лии, матушка Иоанна улыбнулась и сказала:

– Самое главное – это ощущать духовную радость, несмотря ни на что, и иметь глубокую веру. Именно вера определяет счастье человека вне зависимости от того, что ты делаешь и чем занимаешься. Вера – это то, что движет всеми нами и вдохновляет на такие дела, которые простому человеку просто не по силам...

Слушая Матушку и видя её великую веру, мне вдруг вспомнились слова, которые мне сказал иеромонах Макарий (Алифанов) из Задонского мужского монастыря: «Монастырь – это университет самопознания». А ведь лучше и не скажешь, ведь только живя бок о бок долгое время и деля между собой и горе, и радости, и тяжкий повседневный труд, можно увидеть истинного себя и истинных других. И всё, что есть внутри у каждого, становится видимым для всех. Монастырь – это то место, где каждый учится любви, терпению и смирению, по крупицам познавая истинную духовную жизнь...

«Идя по тонкой нити жизни» матушки Иоанны, я увидела многое. Увидела, как тепло относятся к Матушке прихожане, насельницы и даже батюшки, несущие послушание в городских храмах. И даже то, что матушка Иоанна, взяв на себя тяжкий, но благодатный труд, понимает, что ей ещё многое предстоит сделать. Ведь на ней лежат обязательства по воспитанию и обеспечению всем необходимым насельниц. А ещё – есть ответственность за молодых, не познавших и не постигших всю глубину веры, которых она должна направить на путь духовного познания. И она делает всё это, терпеливо перенося выпавшие на её долю тяготы. И также продолжает воспитывать своих чад, но не громкими замечаниями и выговорами, а ласковым взором, добрым словом и мягкой улыбкой, которая несёт в себе величайшую любовь и гостеприимство. А это и есть пример истинного монашества, которое является уделом сильных духом, так как далеко не каждому по силам жить, ежесекундно соблюдая законы милосердия и любви к ближнему, при полной самоотдаче, до полного отречения от своих желаний и своей воли, неуклонно выполняя все заповеди Божии...

Апрель 2022 года

Ставропольский Иоанно-Мариинский женский монастырь

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ

В 1848 г. первым Преосвященным епископом Ставропольским Иеремием и гражданским губернатором Александром Алексеевичем Волоцким по согласованию со Святейшим Синодом было принято окончательное решение об устройстве вдовьего и сиротского приюта со строительством храма во имя Покрова Предтечи и Крестителя Господня Иоанна с церковью (на хорах) во имя Святой равноапостольной Марии Магдалины. Приют разместился на землях «Скомороховых хуторов», частью пожертвованных Я.Г. Скомороховым, а частью прикупленных епархией.

В 1850 г., когда была построена первая церковь во имя Иоанна Предтечи, а при ней и жилой флигель, в него поступило несколько вдов и девиц разных сословий для монашеского жития. Приют получил название Ставропольской женской Иоанно-Мариинской общины.

В 1851 г. сменивший Преосвященного Иеремию епископ Иоанникий ходатайствует перед Святейшим Синодом об изменении статуса Иоанно-Мариинской общины в монастырь. Синод утвердил это ходатайство. После этого Иоанникий обратился к епископу Полтавскому с просьбой назначить «из Полтавских женских монастырей двух благонадёжных монахинь для водворения в новоустроенной общине иноческих порядков». Эта просьба также была удовлетворена. Из Ладинского монастыря были выбраны две монахини: Серафима, ставшая монахиней ещё в девичестве, и Нафанаила, которая приняла постриг, будучи вдовой. Обитель возводилась в большей степени на пожертвования горожан.

С 1852 по 1862 г. в Иоанно-Мариинской обители произошло много перемен. Стараниями святителя Игнатия Брянчанинова пустынь была

Фундамент прежнего храма,
обнаруженный после раскопок

Часть стены от старого монастыря

возведена во второклассный монастырь «с тем, чтобы монастырь сей, оставаясь при настоящих способах его содержания, не лишён был и того, какие откроются для него впоследствии». Преосвященный Феофилакт, прибывший на место святителя Игнатия, совершил первый постриг избранных сестёр. По свидетельству архивных источников, «в 1861 году усадебная земля, принадлежащая монастырю, законным порядком была обмежевана и огорожена протоиереем Феодором Поспеловым на свои средства в пользу всего причта. А в 1914 году земля эта с согласия причта находилась во временном пользовании второклассной школы». В 1863 г. была основана монастырская церковно-приходская школа, рассчитанная на 45 учащихся девочек; на содержание школы от монастыря ассигновано 400 рублей в год, в том числе 300 на содержание учительницы.

В 1852 г. в открывшуюся Ставропольскую Иоанно-Мариинскую женскую общину монахиня Серафима была вызвана епископом Кавказским и Черноморским Иоанникием и утверждена в ней настоятельницей. По

указу Святейшего Синода в 1859 г. возведена в сан игумении Преосвященным Игнатием.

Уже к 1876 г. при монастыре начинает действовать Первоначальная бесплатная школа для мальчиков и девочек. Располагалась она в каменном монастырском доме. Обучением детей занимался диакон Иоанн Курдюмов, он же преподавал Закон Божий.

Во времена Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. послушницы монастыря изготавливали для военных лазаретов различные вещи. Монахини в качестве медсестёр ухаживали за ранеными и больными воинами.

К началу XX века Иоанно-Мариинский женский монастырь вошёл в число крупнейших на Юге России. Здесь действовали 5 храмов, больница, был благоустроен пруд, разбиты сады, открыты школы для девочек, художественные мастерские и др. В монастыре находились около 1000 монахинь и послушниц.

В 1921 году монастырь был закрыт. Сначала на его территории разместилась колония для беспризорников, затем дом отдыха, а после войны – филиал психиатрической клиники.

С 2004 года Иоанно-Мариинский женский монастырь начал своё возрождение.

Сейчас в монастыре восстановлено несколько монастырских строений, действует временный храм, работает воскресная православная школа. Настоятельницей монастыря является игумения Иоанна (Лихманова). В монастыре более 20 сестёр, три штатных священника и диакон.

СКИТ СОРОЧИЙ ЛОГ

В Алтайском сказочном краю,
В глуби лесов, в земном Раю
Несёт обитель жизнь свою,
Храня покой своих насельниц.

Сорочий Лог сей скит зовётся.
И как в местах таких ведётся,
Шолитвой в сердце отзовется
И жаждущему даст приют.

Гам воздух там наполнен силой,
А ров, что многим стал могилой,
Весной, в глуби, меж почва стала
В мир чудо дивное явил...

Тем чудом стал Святой источник.
И он, как вечной жизни странник
Иль миром проклятой изгнанник,
Живой водой всех напоил...

В скиту молитва песней лётся,
Бальзамом на душу прольётся,
Слезой прощенья отзовется,
Вновь возвращая в жизнь весну...

Алтайская митрополия
Покровский кафедральный собор

Монахиня Шарфа (Сафонова)

«Встречи с людьми устроляет Бог для того, чтобы мы передавали друг другу сущее в нас от Бога добро и взаимно друг друга обогатили».

Святитель Феофан Затворник

ВО ИМЯ ГОСПОДА И ВО БЛАГО БЛИЖНЕГО

Самолёт плавно шёл на посадку. Внизу, куда бы ни падал мой взгляд, всё было занесено снегом. Подумалось: «У нас в Москве зима только начинается, а здесь она уже вовсю хозяйничает».

Барнаулский аэропорт, носящий имя Героя Советского Союза, космонавта Германа Степановича Титова, с которым меня не раз сводила журналистская работа, остался позади. Водитель такси, на котором я ехала, оказался очень общительным и всю дорогу рассказывал о достопримечательностях города и края.

Слушая его неторопливый рассказ, я любовалась пейзажами, проплывающими за окном автомобиля по всему пути нашего следования. Ехала и думала, что, наконец, осуществилась моя мечта – побывать в Алтайском крае, о бесконечной красоте и святости земли которого слышала немало рассказов и легенд. Например то, что благодатная земля Алтая знаменита не только своей природной красотой и радушием местных жителей, но и «местами силы», где можно «зарядиться энергией и найти просветление».

Сорочий скит, разместившийся примерно в 80 километрах от Барнаула, куда лежал мой путь, считается одним из таких мест. Но меня интересовал скит не только как «место силы». В скиту меня ждала матушка Марфа, старшая монахиня скита, для написания жизненного пути которой я и прилетела из Москвы.

Такси остановилось. Водитель извинился и сказал, что дальше ехать не может. До скита оставалось около двух километров. Преодолев этот путь по снежной целине, я оказалась у ограды, за которой расположился скит.

Войдя через открытую калитку, справа увидела лестницу, которая шла вниз и вела к Святому источнику. Вдалеке виднелись купола храма. Чуть в стороне от храма – несколько домов и хозяйственных построек.

Вся территория скита находилась на холме. С одной стороны ограды возвышался сосновый бор, чуть ниже – поле, а ещё ниже, в той стороне, с которой я пришла, – небольшое село под названием Сорочий Лог, по имени которого и назван сам скит.

Было солнечно и морозно. Снег переливался и слепил так, что было больно глазам. А вокруг стояла такая тишина, словно благодать снизошла на это место. Вздыхая всей грудью свежий морозный воздух и совершенно не чувствуя усталости, хотя прошла немалый путь, шла и думала: «Да, действительно, «место силы». И вспомнились слова святителя Иоанна Златоуста, который очень точно сказал о монастырях, что они – «тихая пристань, подобны светочам, которые светят людям, приходящим изда- лека, привлекая всех к своей тишине».

Так, наслаждаясь тишиной и первозданной красотой этого места, не заметила, как преодолела крутой склон и оказалась перед большим домом, который Матушка описывала мне, называя его келейным корпусом.

Постучавшись и не услышав ответа, тихонько открыла дверь и вошла внутрь. Внутри дома было тихо, тепло и уютно. На моё приветствие, которое, как мне показалось, было направлено в пустоту, вышла молодая монахиня. Она пригласила меня снять пальто и следовать за ней.

Комната, в которую мы вошли, оказалась трапезной. Она была светлой и просторной. В центре комнаты стоял длинный стол, за которым сидели насельницы скита, трапезничая после утреннего богослужения.

– Что, замёрзла? – прежде чем ответить на моё приветствие, спросила, как я поняла, матушка Марфа, сидящая в центре стола. А затем, благословив меня, пригласила к столу, усадив рядом с собой.

Наслаждаясь горячей едой, которую мне принесли по просьбе Матушки, я украдкой наблюдала за сидящими за столом.

В центре стола сидела старшая монахиня скита матушка Марфа. Одета она была, как и подобает монахине, в чёрную рясу. Возраст уже оставил свой отпечаток на матушкином лице, да и дрожь в руках выдавала. А чуть раскосые и припухшие от красноты глаза говорили либо о сильной усталости, либо о слабом зрении.

Всё это время, пока я рассматривала окружающих, в трапезной стояла тишина, которую нет-нет да нарушал стук ложек о пустеющие тарелки.

– Ну, матушка, наконец ты до нас добралась, – закончив трапезу и радушно улыбаясь, обратилась ко мне матушка Марфа. – Долго же ты собиралась.

– Простите, Матушка, – только и смогла ответить я на её справедливое замечание.

Дело в том, что благословение на написание жизненного пути монахини Марфы для своей книги я получила от архимандрита Сергия (Иванникова), митрополита Барнаульского и Алтайского ещё весной, но так сложилось, что смогла приехать только сейчас...

Когда закончилась трапеза и все разошлись, мы с матушкой Марфой остались вдвоём.

Когда я объяснила Матушке, для чего приехала, она улыбнулась и сказала, что ничего интересного о себе не может мне рассказать. И начала свой рассказ о самом ските (об этом я расскажу своему читателю чуть позже). Затем очень подробно, не пропуская ни одной мелочи, рассказала о своих насельницах и о тех, кто приезжает в скит, чтобы помочь в разных хозяйственных делах. А затем просто спела мне песню...

Она пела песню тихо и протяжно, словно читала нараспев молитву. Простые слова её песни, которые не совсем ложились в рифму, лились размеренно и трогали до глубины души.

В ней Матушка пела о том, как она пришла в монастырь, что для неё святая обитель – вся её жизнь, и что прежняя жизнь – это только испытания, которые были посланы ей. И многое-многое другое...

Матушка умолкла. На какое-то время в трапезной воцарилась тишина. Каждый думал о своём. В моей памяти песня всколыхнула воспоминание о маме, которая также любила долгими вечерами петь нам песни. А Матушка сидела и думала о чём-то своём... Боясь потревожить её, я сидела тихонько и ждала, когда она продолжит свой рассказ...

Наконец Матушка снова заговорила.

Её рассказ растянулся на долгие часы. А я слушала, не перебивая, боясь лишним вопросом нарушить её воспоминания...

Из всего, что я услышала от неё, от насельниц и от тех, с кем я успела пообщаться за моё недолгое пребывание здесь, и сложился мой небольшой рассказ о жизненном пути монахини Марфы.

Старшая монахиня Марфа (Сафонова) (в девичестве Новосёлова Мария Ивановна) родилась 23 сентября 1937 года в Алтайском крае, в селе Островном Мамонтовского района. Её отец – Иван Иванович и мама – Татьяна Ивановна, как и многие сельские жители того времени, работали в колхозе. Да и сама Мария, с детства приученная к труду, часто помогала им в их нелёгком труде.

После окончания школы Мария поступила в кооперативный техникум, который окончила с отличием. Затем больше 20-ти лет работала в магазине – сначала простым продавцом, потом заведующей.

– Мой тятя 1901 года рождения, – вспоминает Матушка. – Его мама, бабушка Пелагея, вырастила его и брата одна, так как дедушка умер, когда тятю было всего 4 года... А во время Гражданской войны мой тятя и его брат участвовали в Перекопско-Чонгарской операции в Крыму. Так что и ему пришлось через многое пройти. А ушёл он на войну, успев поучиться всего совсем ничего... Тятя рассказывал, что, когда их устроили на ночлег в одну из деревенских изб, он нашёл там книги. Он попросил хозяйку, чтобы она дала ему их почитать. Но та сказала, что он вряд ли что поймёт из этих книг. А потом, видя его интерес, рассказала ему, что будет с ним потом. И тятя говорил, что всё то, что она тогда ему сказала, сбылось... А те книги, как он потом узнал, были старинные, написанные на старославянском языке. А вот что было в этих книгах, ему так и не довелось узнать... Помню я и своего дедушку Ивана по маминой линии. Он был почти безграмотным, но священное писание знал наизусть. Позже он стал диаконом при местном храме. А моя бабушка Татьяна, его жена, пела на клиросе. А ещё молитвами и травами лечила людей, которые приезжали к ней из разных уголков Алтая...

Рассказала Матушка и о том, что в их роду были репрессированные и что все они без исключения были глубоко верующими людьми. Сказала, что и ей «вслед за дедушкой выпала судьба помолиться за всех своих

предков и потомков». Не зря же говорят, что, если в роду есть священнослужитель, а тем более монашествующий, этот род на много поколений вперёд защищён его молитвами.

Вспоминая о своих родителях, Матушка вспомнила страшные годы Великой Отечественной войны, в которой принимал участие её «тятя» (отец). Она сравнила ту страшную войну с тем, что происходит сегодня, и горевала, говоря, что «многие не понимают, что грозит миру, если нечисть, которая убивает наших деток, победит...».

– И сейчас идёт страшная война, война против Православия, – смахивая набежавшие слёзы, продолжила Матушка. – Мои оба внука были там... Один из них тяжело заболел и ему должны были ампутировать ноги, но его сестра, врач-хирург, забрала к себе и вылечила. А я молилась и молюсь о них постоянно... Мне страшно их жалко, но я всё понимаю, ведь они мужчины и, как когда-то мой тятя, должны защищать свою страну и нашу православную веру. А иначе нам всем придёт конец...

Матушка снова замолчала, справляясь с нахлынувшими чувствами, и, только когда немного успокоилась, продолжила свой рассказ.

Так я узнала, что Матушка была замужем и у неё в миру осталось пятеро деток, за которых у неё и сегодня болит душа также, как и за каждого из тех, кто приходит к ней за помощью. А в монастырь она пришла после того, как вырастила и «припутила своих деток» и схоронила мужа. И было ей в ту пору неполных 57 лет.

Из воспоминаний монахини Марфы:

– 30 июня я схоронила своего мужа, а 4 июля встретила с архимандритом Амвросием (Юрасовым), ныне почившим. Меня тогда мучило много вопросов. И вот он открывает свою книгу. Не помню, как называлась эта книга, но Владыка сказал, что в ней я найду ответы на все свои вопросы. Так вот, открыл он эту книгу и сказал: «Читай!», хотя я ему и не успела даже сказать, с какими вопросами к нему пришла... И там, в этой книге, были написаны все ответы на мучившие меня вопросы. Потом, после долгого разговора с ним, он отдал мне эту книгу и сказал: «Читай сама и давай читать другим». Я так и сделала, и книга ко мне так и не вернулась. Видно, до сих пор приносит пользу людям, давая им

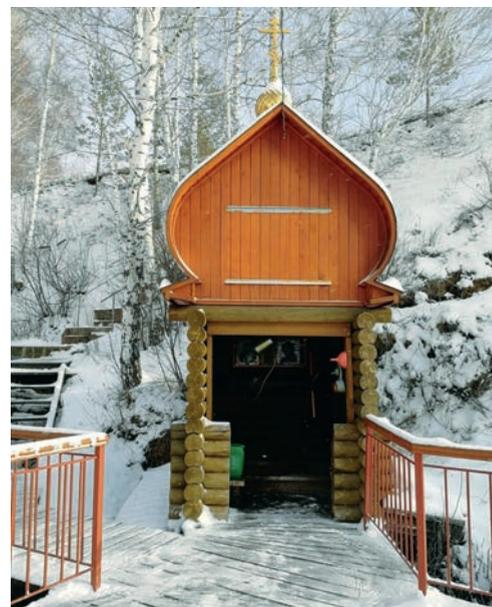
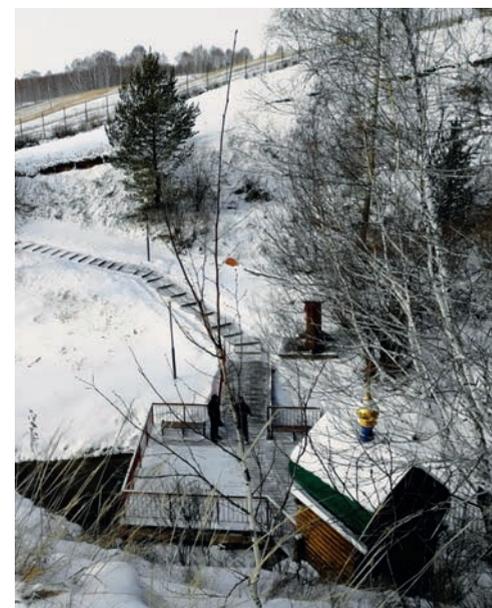
Мария Ивановна с мужем и дочерью Татьяной

Монахиня Марфа в келье после вечернего богослужения

Зима. Виды храма, святого источника, Сорочий Лог, 2022 г.

возможность получать ответы на мучающие их вопросы... Прощаясь, архимандрит Амвросий меня благословил со словами: «До встречи в горном Иерусалиме». Я тогда подумала, что, наверное, скоро умру, ведь не понимала, что он имел в виду... И только через год, когда оказалась в монастыре, а затем приняла монашеский постриг, вспомнила его слова и всё поняла... Да, пути Господни неисповедимы, и только Он знает, кому, что и когда давать...

Так началась её иная жизнь – жизнь во имя Господа и во благо ближнего.

Однако, прежде чем продолжить своё повествование о «иной» Матушкиной жизни, расскажу читателю одну немаловажную часть из её жизни до пострига, которую мне поведала её дочь Татьяна.

Так сложилась судьба, что, выйдя замуж совсем девчонкой, она попала в семью, где ей жилось очень тяжело. Над ней издевались, а муж издевался физически. И она, с маленькой дочкой на руках, просто убежала из этой семьи. Долгое время Мария жила со своей дочкой в разных местах, скрываясь от мужа-тирана. И только когда уладила все формальности, переехала в город Алейск, где устроилась на работу продавцом в один из городских магазинов. И уже там, посещая воскресные богослужения в Свято-Димитриевском Алейском мужском монастыре, впервые задумалась о монашеской жизни.

Но, как говорится, мы предполагаем, а Бог располагает.

Однажды в магазин, где работала Мария, зашёл мужчина с тремя маленькими детками, среди которых были один мальчик и две девочки. Дети были грязными и плохо одетыми. Дети смотрели на продукты, лежащие на витрине, голодными глазами. Мужчине стало неловко за своих детей, и он, словно оправдываясь, сказал, что жена умерла, и он растит детей один. Мария тут же накупила детям еды, сладостей и даже кое-какой одежки...

Со временем их отец предложил ей жить вместе, и она, пожалев сирот, согласилась...

Так Мария Ивановна стала мамой четверых деток. А вскоре и пятерых – у них родилась ещё одна девочка – Татьяна.

Именно Татьяна рассказала мне, что мама растила и воспитывала их, никогда не делая разницы между родными детьми и приёмными. И это

говорит о широте души и сердечности Матушки больше, чем тысяча красивейших слов...

А ещё Татьяна рассказала, что мама всегда лечила их сама: «Могла заварить травку, помолиться и всё проходило, даже высокую температуру снимала... Сила в ней была всегда... Видно ей это от бабушки передавалось...»

Прошло время. Дети выросли, разъехались кто куда. А затем ушёл из жизни и муж... И тогда Мария Ивановна, спасаясь от одиночества, пришла в Свято-Димитриевский Алейский мужской монастырь. Сначала пришла просто, чтобы быть среди людей и молиться, да так и осталась там навсегда...

Из воспоминаний матушки Марфы:

– В монастыре, в который я тогда пришла простой трудницей, были не только пожилые монахи и монахини, было много и молодых... Мы много трудились, но на душе было так легко, что никакой труд не пугал... Помню, как в монастырь из Троице-Сергиевой Лавры прислали молодых монахов. Их было четверо. Монахов тогда прислали в епархию много, а четверо – к нам в монастырь... И в один из дней я прихожу на службу, а регентши, уже ныне покойные матушки, и говорят мне: «У нас Ангелы вчера пели!». А я не могу понять, что за Ангелы. А оказалось, что это молодые монахи пели своими, как я потом смогла убедиться, ангельскими голосами. Хорошо помню отца Алексея и отца Силуана, голос которого звучал ярче всех. Отец Алексей, который потом стал настоятелем монастыря, хотя и был родом из Москвы, очень любил петь в кругу своих близких по духу людей русские народные песни. И я любила петь. Работала и пела: в трапезной, на поле. Отец Алексей часто просил меня: «Спой что-нибудь, Матушка»... Вскоре они уехали. Сначала отец Силуан, а затем уехал и отец Алексей... Сейчас они уже оба, наверное, в чинах. Тогда же мне приходилось, словно маме, многому их учить, ведь они были совсем молодыми и многого не знали и не умели...

Вот она, широта души русской женщины. Даже в монастыре она остаётся доброй и заботливой матерью для всех страждущих. И суровая монастырская жизнь с постоянными молитвами и трудами не может её изменить, а только укрепляет эту поистине великую любовь...

Шло время. Мария из трудницы стала послушницей, а вскоре приняла монашеский постриг с именем Марфа. Так в молитвах, трудах и заботах прошли годы, пока Матушку не перевели в город Барнаул.

Но, как сказала Матушка, «Господь посылает нам испытания, когда что-то идёт не по его воле». Так случилось и с ней.

Перед тем, как её собирались перевести в другой монастырь, с ней случилось несчастье. Матушка тогда была на послушании по уходу за коровами и однажды, поскользнувшись, упала и ударилась головой, после чего надолго попала в больницу. После больницы она ещё некоторое время, пока не окрепла, жила у одной из своих дочерей.

Когда Матушка полностью оправилась от болезни, она решила съездить в Дивеево, думая, что может там найдёт своё пристанище.

Её, действительно, приглашали остаться в Дивеевской обители, но она не осталась, объясняя это тем, что «там слишком много мирского, а её душа искала тишины и покоя». И она вернулась в Барнаул.

В Барнауле Матушка получает от ныне покойного епископа Барнаульского и Алтайского Антония (Масендич) благословение на послушание в Иоанно-Кронштадтский монастырь.

Из воспоминаний Матушки:

– Когда я приехала в Барнаул, у меня оставалось немного времени до того, как должна была прибыть в Иоанно-Кронштадтский монастырь. И я на некоторое время остановилась у своей знакомой... Утром мы с ней пошли на службу в Знаменский женский монастырь. В монастыре мне так понравилось, что я после службы стою себе и думаю: «Почему меня не сюда направили?». Но мы, монахини, своё послушание не выполняем...

Но, как говорится, «у Бога ничего не бывает просто так».

Когда закончилась служба, знакомая, у которой остановилась Матушка, уехала по своим делам, и ей после службы было некуда идти. Она подошла к одной из монахинь, чтобы узнать, закрывают ли на день храм и можно ли в нём побыть до вечера.

– Когда я обратилась к монахине с просьбой остаться в храме, она ответила коротко: «Жди матушку-игумению Надежду!» И я покорно осталась ждать. Когда же пришла игумения, она пригласила меня в трапезную. Во время трапезы я попросила разрешения у Матушки по-

быть в монастыре до вечера, на что она ответила: «Если хочешь у нас остаться, пиши прошение!».

Матушка, не ожидая такого поворота, немедля написала прошение на имя правящего тогда владыки Антония с просьбой остаться в этом монастыре. Прошение было тут же удовлетворено.

Так монахиня Марфа попала в Знаменский монастырь. И было это 8 марта 2001 года.

Знаменскому монастырю тогда принадлежали два подворья: Сорочий Лог и Чемальский скит, размещавшийся далеко от города Барнаула, на острове с греческим названием Патмос. И, конечно же, игумения Надежда была только рада «лишним рукам», ведь работы как в монастыре, так и на подворьях было предостаточно. Кроме богослужений и монашеских правил нужно было и просфоры выпекать, и шить монашеские облачения, и вышивать одежды, готовить обеды, смотреть за хозяйством, да много ещё чего, что лежит на хрупких плечах монахинь.

И монахиня Марфа, получив благословение на жизнь в Знаменском женском монастыре, отправляется на послушание в Чемальский скит.

– Мне тогда, несмотря ни на какие трудности, показалось, что я попала в рай, такая там благодать и красота, – вспоминает Матушка. – А через время, а была уже зима 2002 года, я получила послушание на жизнь в Сорочьем скиту... Это было моё послушание, как и множество иных послушаний, которые мне приходилось выполнять. Но тогда все считали, что того, кого направляют в Сорочий скит, было своего рода наказание...

Когда матушка Марфа прибыла в Иоанно-Предтеченский скит, вместе с ней прибыли ещё три монахини. И вот эти четыре матушки, двум из которых было по 65 лет, в том числе и матушке Марфе, а двум другим – по 75, начали потихоньку обустраивать своё новое место жительства.

И хотя сама обитель уже была, но представляла она из себя пустырь, на котором стояли небольшой храм, две избушки и баня. Ни света, ни воды и никаких удобств не было. Оно и понятно, ведь этот скит долгое время переходил из рук в руки. Сначала здесь размещался мужской монастырь, потом там долгое время жил один пожилой монах. И только потом его передали Знаменскому женскому монастырю.

Митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей в Иоанно-Предтеченском скиту

Крестный ход до села Сорочий Лог, посвящённый 20-летию основания Иоанно-Предтеченского скита

Под руководством игумении Надежды четыре монахини, которым помогли добрые люди, достроили храм. А затем постепенно началось строительство келий для монахинь, гостевого дома, дома для батюшек, церковной лавки и других построек.

И уже позже, когда скит стал самостоятельным Патриаршим подворьем, старшей монахиней которого стала матушка Марфа, построили келейный дом.

Мне даже сложно себе представить, сколько сил было потрачено на то, чтобы скит обрёл тот вид, который предстал передо мной сегодня.

– Конечно, было нелегко, – продолжила свои воспоминания Матушка. – Бывало всякое. Местные жители часто мешали паломникам, а местные мальчишки даже подворывали... А нас-то было всего четверо: я, матушка Феврония и две родные сестры, матушка Евгения и матушка Евлампия. Жили мы в маленьких кельях, наполовину ушедших в землю. Келья была примерно 2 на 2 метра. Там умещались крохотная печка, кровать и маленькая тумбочка, а развернуться уже было негде... Но, слава Богу, нашлись помощники и у нас началось строительство. Мы тогда работали день и ночь. Молились и работали... Но из молодых монахинь никто к нам не шёл. Может, боялись трудностей или искушений... Ведь они, эти искушения, и в удалении от города, и в уединении также могут одолевать... Но те, кто приходят сюда и остаются здесь, полностью отдают себя служению Богу и людям... И вот нонче, слава Богу, к нам пришли из мирян три инокини. Одна из них долгие шесть лет ездила к нам простой послушницей, помогала во всём, а потом решилась, с благословения владыки Сергия, надеть подрясник...

Сейчас в скиту две схимницы, две монахини и четыре инокини. Одну из инокинь сейчас готовят к постригу, а одну послушницу в рясофорную инокиню.

В скиту также живут несколько трудниц, среди которых я увидела средних лет женщину. Я поговорила с ней и узнала, что у неё прекрасная профессия – преподаватель музыки. В скит она пришла по собственному желанию, чтобы «проверить себя на крепость». Люба живёт здесь уже целый месяц. А на мой вопрос: «Как Вам здесь живётся?» – ответила: «И трудно, и легко. И хотя физической нагрузки хватает, но я всем сердцем чувствую, что душа уже не моя, вернее, она уже не для меня, а для Бога... И это верх блаженства. И мне так легко...»

Матушка пока не предлагает Любе стать послушницей, ждёт, пока та сама не попросит. Это ведь не тот случай, когда человека можно принудить. Здесь всё должно происходить по собственной воле и желанию.

– Судьбы человеческие разные, – помолчав, продолжила Матушка свой рассказ. – К нам приезжают многие. Больше с бедой и просьбой о помощи. Но многие приезжают и пожить – кто на день, кто на неделю, а кто и на дольше. Живут здесь, помогают во всём. Грех жаловаться... И на уборку урожая приезжают, и дрова заготовить. Один даже корову для нас купил. Ничего не скажу – помогают...

Как подтверждение своих слов, Матушка дала мне телефоны тех, кто приезжает в Сорочий скит постоянно. С некоторыми из них я созвонилась. Ими оказались люди из разных городов России. Например, Михаил Петрович, житель Москвы, рассказал мне свою историю:

– О матушке Марфе я услышал задолго до нашего личного знакомства. Я летел на Афон и познакомился с одним молодым священником, иереем Сергием (Тимофеевым). У нас тогда задерживали вылет на сутки. И я переживал, что не успею, ведь у меня было всего четверо суток для этой поездки. Отец Сергий и говорит: «Сейчас я позвоню тяжёлой духовной артиллерии, она помолится за нас, и всё будет хорошо». Он позвонил, попросил Матушку помолиться, а сам встал в центре зала и стал читать Акафист. К нему стали подтягиваться люди и петь вместе с ним. И вдруг на табло появляется сообщение, что на наш самолёт объявлена посадка... И потом, когда я с ней познакомился поближе и стал приезжать туда каждый год, оставаясь там на одну-две недели, наблюдал много случаев, когда после её молитвы выздоравливали больные, а многие получали душевный покой... Я не скажу, что она простой человек... Но у неё великая духовная сила, и эта сила через её молитвы приносит людям помощь, а это и есть самое важное...

Надо сказать, что за свою жизнь Матушка и сама претерпела многое. Только за время пандемии она два раза тяжело болела, лежала в больнице, но, слава Богу, вернулась и снова силой животворящей молитвы помогает людям.

– Меня, слава Богу, Господь сохранил, хотя болела очень тяжело. А вот нашего отца Сергия (Тимофеева), добрейшего и величайшей силы духа человека, не сохранил, забрал к себе...

Матушка начала тереть ставшие влажными глаза, а я не стала её успокаивать, ждала, пока она сама справится с нахлынувшими чувствами...

Но тут неожиданно в келейную вошёл очередной гость, священник. Батюшка, к сожалению не запомнила его имени, приехал к матушке Марфе издалека, и я, чтобы не мешать их беседе, пошла пройтись по территории скита в надежде пообщаться с его насельниками.

Но прежде, чем пообщаться с насельниками, я спустилась по склону к главной святыне скита – Святому источнику, который расположился у подножия холма.

Святой источник находился в самом низу огромного рва, на дне которого я увидела небольшую речушку, наполненную его водами. Да и сам ров, как я узнала позже, оказался не совсем обычным. По словам местных жителей, во рву «покоятся останки многих невинно убиенных людей, в том числе и священников».

Спустившись к Святому источнику, я увидела крутую лестницу, ведущую на вершину холма. Она вела к Распятию. Лестница оказалась не совсем обычной. Первые ступеньки её располагались друг от друга на таком расстоянии, что приходилось не идти, а ползти, чтобы не упасть. Постепенно расстояние между ступеньками становилось всё меньше, а на самом верху оно стало, как у обычной лестницы.

Когда я спустилась вниз, мужчина, назвавший себя смотрителем Святого источника, сказал, что эту лестницу называют «дорогой к Богу». И она, как и дорога к Богу, сначала трудная, а потом идти становится всё легче. Потом добавил, что дальше, на горе, есть ещё один источник, к которому приезжают женщины, потерявшие надежду родить. И, по его словам, через время многие из них приезжают уже с младенцами на руках...

Да, много легенд и историй рассказали мне как местные жители, так и те, с кем мне довелось пообщаться. А вот в историю о голубях, живущих в ските, я поверила сразу, так как эти голуби сопровождали меня всё время, пока я прогуливалась по территории скита. Позже одна из монахинь сказала мне, что это души Ангелов, которые охраняют покой скита. Вот они и охраняли...

Также, в сопровождении голубей, я поднялась к храму. Он показался мне совершенно простым, без всяких излишеств. А войдя внутрь, у меня появилось ощущение, словно я находилась на краю земли. Я пожалела,

что не могу остаться на вечернюю службу, так как в одном из монастырей, которые мне довелось посетить, вечерняя служба произвела на меня неизгладимое впечатление. В таких отдалённых местах, как этот скит, она совершенно не похожа на богослужения в городских храмах.

И я, став у иконы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, представила, как оно проходит здесь...

...Вокруг монастыря лес, темнота и тишина. И я, словно воочию, услышала, как умиротворённо льётся тихое молитвенное пение монахинь. И как после окончания службы, когда гаснет свет и догорают оставшиеся свечи, свет от них и от лампадок рисует на стенах храма необычные узоры. Представила, как в этом полумраке слышится только треск догорающих свечей да чувствуется терпкий запах ладана, остатки дыма от которого только добавляют загадочности...

Я представила всё так чётко, словно видела это наяву...

Из моих видений меня вернул голос монахини, зашедшей по своим делам в храм. Я поговорила с ней, затем зашла в церковную лавку, а потом вернулась к Матушке.

От тех, с кем мне довелось пообщаться за время моей прогулки по скиту, я узнала, что к Матушке за помощью и советом приезжают не только православные, но и неверующие, а то и люди иного вероисповедания. И Матушка никому не отказывает, принимает всех, считая, что перед Богом все равны. Правда, по её словам, ей «иногда за это достаётся от Батюшки»:

– Я на Исповеди всегда говорю Батюшке: «Может я и делаю что не так, и советы даю не те, но это всё по моему разумению и от души». За это иногда выслушиваю от Батюшки укоры... Но, если мои советы и моя молитва способны хоть немного помочь или облегчить страдания обратившихся ко мне, значит всё это нужно и необходимо. И я все свои силы, хотя их осталось не так много в мои 85 лет, положу на то, чтобы помогать всем, кому будет нужна моя помощь...

И, хотя я готова была слушать Матушкин голос бесконечно, однако, увидев, что Матушка устала, я поблагодарила её за всё и начала собираться в дорогу.

Матушка, тяжело передвигаясь, проводила меня до двери. Молодая инокиня Ксения, которая также провожала меня, поведала, что Матушка на днях упала и повредила не только ноги, но и рёбра, и что ей очень тяжело передвигаться. Тем значимей и ценнее было для меня то, что Матушка нашла в себе силы, чтобы встать и проводить меня...

На прощание я задала матушке Марфе один-единственный вопрос, который меня всегда волновал: «Что делать, если ты видишь, что человек злится на тебя? А ты не понимаешь, почему и за что: то ли от зависти, то ли от вредности, то ли ещё по какой причине. И совершенно непонятно, что с этим делать...»

Матушка ответила мне так:

– Как говорил иеромонах Серафим (Роуз): «Не унывай, видя, как некоторые восстают против тебя. Хуже было бы, если бы тебя все любили: это значит, что ты чересчур угождаешь людям. Христа тоже ненавидели, его распяли. Так с чего бы нам ожидать всеобщей любви, если мы идём по стопам Христа? Следите, чтобы своя совесть была чиста, и бойтесь не людской ненависти, а ненависти в собственной душе». Скажу о себе. Меня

тоже не все любят. Здесь, на Алтае, столько колдунов, что не счесть. И приходится с этими тёмными силами бороться, ничего не поделаешь... Многие приходят с просьбой о помощи с этими страшными силами... Меня даже однажды хоронили. Я иду со службы, а они устроили мне настоящие похороны... И так бывает... Но, слава Богу, с Божией помощью ещё скриплю...

Уже в самолёте, возвращаясь обратно в Москву, я думала о быстротечности времени, о котором так много говорила Матушка. У неё совершенно иное летоисчисление. Говоря о своём возрасте, она сказала, что для неё уже «время от Троицы до Рождества – это, как в детстве от завтрака до обеда». И всё, что ей близко и знакомо, давно «заняло в голове определённое место», а всё, что ей осталось, – «спасение заблудших душ».

Пытаясь осмыслить многое из сказанного Матушкой, ещё и ещё раз вспоминала всё, что узнала о её жизненном пути.

Сколько противоречий, заблуждений и трудностей выпало на её долю. Но из того, что я успела узнать о ней, всё говорит о том, что Матушка так и осталась той любящей матерью, которой была до принятия монашеского пострига. Только вся её материнская любовь, все духовные силы каждую, отведённую ей Богом минуту жизни она направляет во имя Господа и во благо ближнего...

Декабрь 2022 года

Иоанно-Предтеченское архиерейское подворье село «Сорочий Лог»

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СКИТА

Сорочий скит, носящий сегодня название Иоанно-Предтеченское архиерейское подворье село «Сорочий Лог», имеет, как и все святые места, свою историю. Вот что из разных источников мне удалось узнать об этом месте.

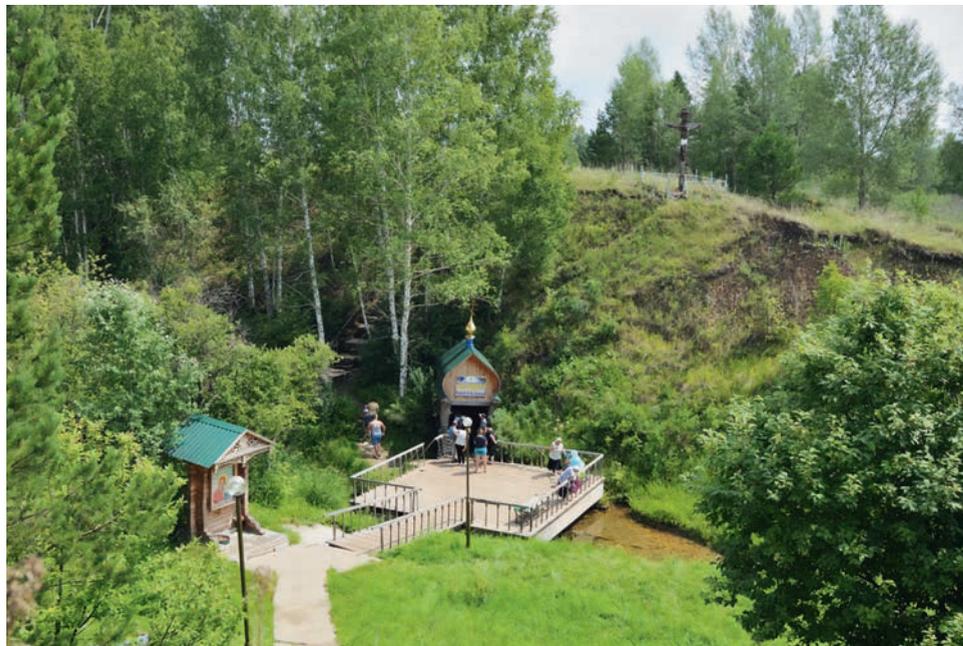
По свидетельству местных жителей, рядом с местом, где сейчас размещается скит, в 1915 году появился источник, получивший впоследствии название «Святой ключ». Но история гласит, что на этом месте ранее били три ключа и сюда многие приезжали на лечение. А дополнительно к целебным ключам в небольшой речушке, которая образовалась из вод этих ключей, была целебная грязь, которая «ставила на ноги даже тех, кто совсем потерял надежду».

Здесь же, в скиту, есть огромный ров, в котором опять же по рассказам местных жителей покоятся останки расстрелянных в 1920 году крестьян и нескольких священников во главе с отцом Максимилианом. Тогда же был засыпан и сам источник.

Однако со временем вода размыва песок, и Святой источник снова стал местом паломничества. К нему каждое лето приезжали паломники, сооружали шалаши и жили в них, наслаждаясь благодатью святого места, а заодно излечиваясь от телесных и душевных ран.

В 1995 году рядом со Святым источником был образован скит Иоанна Крестителя, первыми насельниками которого были два монаха. Позже скит стал подворьем Барнаульского Знаменского женского монастыря.

Здесь живут и трудятся во славу Божию несколько монахинь.

Святой источник (вид сверху)

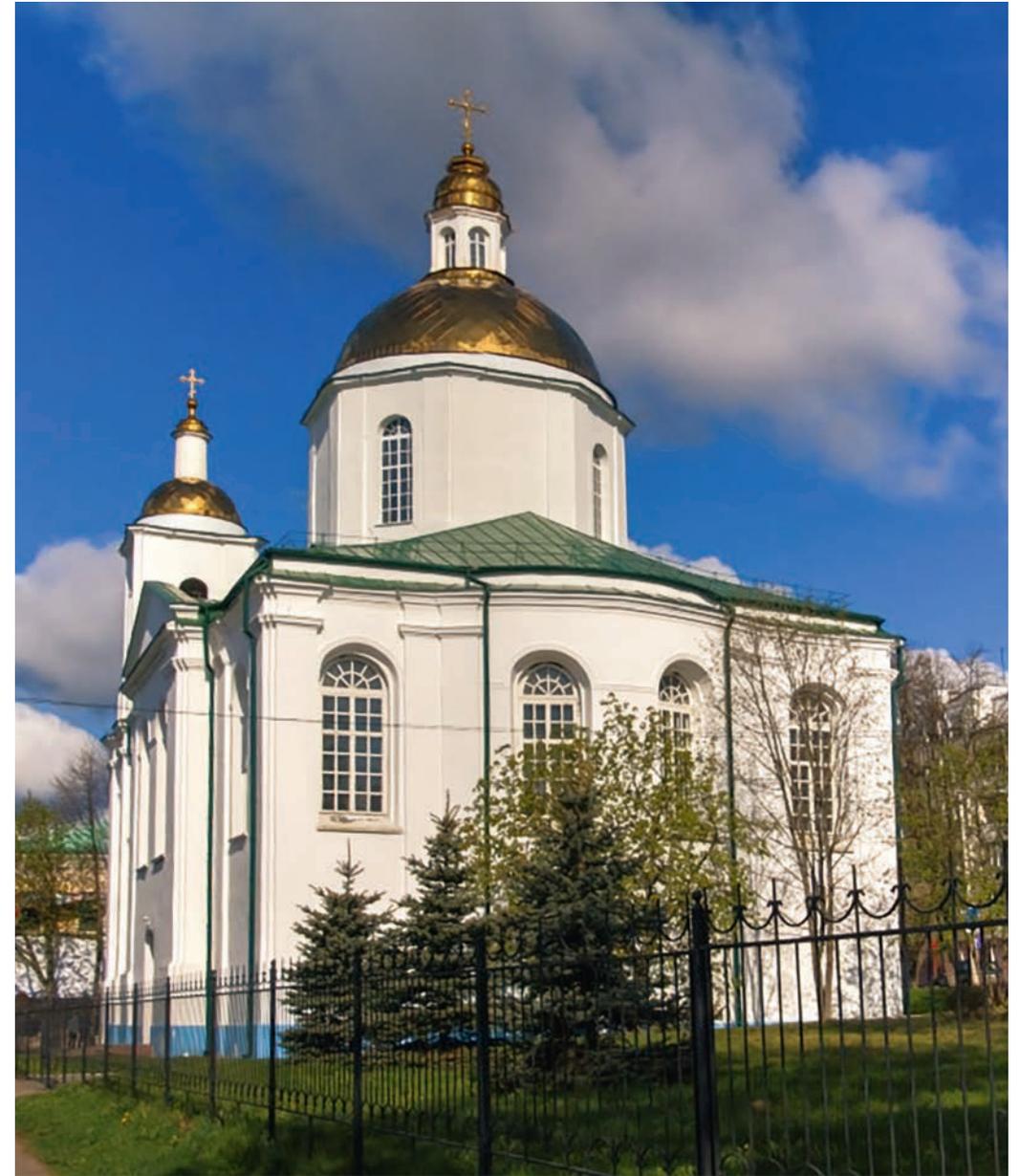
Вид храма изнутри

Жизнь в ските связана с большими испытаниями. Монахини, кроме молитв, которые делятся и днём, и ночью, содержат в порядке Святой источник, храм, огород с садом, хозяйственные помещения и кельи. Кроме этого, они привечают паломников, кормят работников, занимающихся строительством, и многое-многое другое.

В скиту есть своя святыня – икона Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна с частицей мощей.

Любовь воспринимай, как добродетель,
Дарованную Небом для тебя.
И, дорожа подарком этим,
Учись любить других, себя любя.
Себя любя за боль, за поражения,
Дари добро прохожим просто так:
Кому-то только баночку варенья,
Кому подай на белый хлеб пятак.
Иль просто уступи в пути дорогу,
Попутно пожелав ему добра...
А на устах пусть будет имя Бога,
Дожди чтоб не пугали и ветра.
И даже, если жизнь ударит больно,
Прими её, как горькое лекарство.
А коли вдруг всплакнёшь невольно,
Печалиться не след, печаль – коварство.
Ты просто дар любви носи по жизни,
Чтобы о прожитом бесцельно не жалеть.
И каждой день до дня последней тризны
Душе заблудшей зря не дай сгореть...

Полоцкая епархия
Богоявленский кафедральный собор

Игуменья Евдокия (Левшук)

«О, несравнимая сила любви! О, неизмеримая сила любви! Ничего нет ценнее любви – ни на Небе, ни на земле!»
Святитель Иоанн Златоуст

С ЛЮБОВЬЮ В СЕРДЦЕ И МОЛИТВОЙ НА УСТАХ

Несмотря на то, что Полоцк встретил меня морозящим, более похожим на осенний, дождём, я всё же сумела насладиться красотой этого города. Его небольшие, но очень чистые и ухоженные улочки и старинные дома утопали в первой весенней зелени, и от этого он казался более молодым.

На самом же деле его и сегодня называют «древним Полоцком», а ещё – «матерью городов белорусских». И это абсолютная правда, ведь он был построен на одном из маршрутов великого торгового пути «из варяг в греки», и первое упоминание о нём в «Повести временных лет» датируется 862 годом.

Некогда могущественный и именитый Полоцк занимал одно из первых мест в иерархии древнерусских городов и был славен своими храмами и обителями. Здесь же зародились белорусские государственность и культура, и здесь же, в 992 году, была учреждена епископская кафедра. А вскоре на холме Полоцкого детинца был возведён величественный собор Святой Софии.

Вообще XII столетие стало для Полотчины золотой порой расцвета иноческой жизни. В это же время здесь жила великая угодница Божия преподобная Евфросиния, прославившая Полоцк в веках. Она же является не только основательницей Спасо-Евфросиниевского женского монастыря, куда по благословию митрополита Минского и Заславского Вениамина и лежал мой путь, но и основоположницей всего русского женского монашества...

Войдя через резные монастырские ворота в Спасо-Евфросиниевский женский монастырь, я окунулась в иной мир – мир спокойствия и умиротворения. Вокруг царила такая тишина, словно город остался где-то далеко в стороне, хотя это отнюдь не так. Монастырские стены здесь являются не просто оградой от городского шума, но и оградой от мирской жизни и повседневной суеты...

От моих мыслей меня отвлек тихий говор, который доносился со стороны трапезной. Обернувшись, я увидела, как по тропинке идёт Матушка. Её чёрные одежды развевались на ветру и казалось, что она не идёт, а словно плывёт по воздуху. А когда она, улыбаясь, направилась в мою сторону, я поняла, что это и есть игумения Евдокия, на встречу с которой я и приехала в Спасо-Евфросиниевский женский монастырь.

Матушка Евдокия была похожа на ангела, если, конечно, можно так сказать. В ней сочеталось всё: и тихий робкий голос, и чистое светлое лицо с доброй улыбкой, и даже лёгкая, словно она шагала по облаку, походка. Все эти сочетания – это и есть образ настоящей Матушки, коей, как я потом поняла из нашей с ней беседы и из рассказов тех, кто её давно знает, и является игумения Евдокия (в миру Левшук Любовь Петровна).

Матушка приняла меня радушно, угостив вкусной монастырской едой. А ещё, так как я приехала в гости на Пасхальной неделе, мне довелось угоститься и пасхальным куличом, и пасхой, которые в монастырях отличаются особым вкусом. А по завершении трапезы я проследовала за ней в её рабочий кабинет, где и состоялась наша беседа...

– Родилась я в деревне Гончары Пинского района Брестской области 12 августа 1958 года, – начала свой рассказ матушка Евдокия. – Так как там не было школы, в первый класс я пошла в среднюю школу деревни Кошевичи. Там же, в этой деревне, до 60-х годов XX века была действующая церковь в честь апостола Иоанна Богослова, где меня и крестили... К счастью, она сегодня также возрождена и действует... А когда мне исполнилось восемь лет, к этому времени папа уже закончил строительство нового дома в городе Пинске, который он строил несколько лет, и мы туда переехали жить. И во второй класс я уже пошла в городе Пинске. Там же я, окончив 8 классов, поступила в Пинский учётно-кредит-

ный техникум. После окончания техникума я отработала положенных три года, и с Божией помощью меня приняли в монастырь...

Такая казалась бы короткая биография... Однако, как говорится в народных сказках, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

Ещё когда Любовь училась в техникуме, она часто ездила по монастырям. Ей нравились не просто обитатели с их необыкновенной красотой и величием, её привлекала внутренняя жизнь монастыря и его насельников. Она с замиранием сердца наблюдала за теми короткими моментами из их жизни, которые успевала запечатлеть её девичья память, а потом, вернувшись домой, ещё долго вспоминала всё это, уже тогда ощущая непонятное волнение и трепет в душе... Но обо всём по порядку...

Семья, в которой родилась и росла Любовь Левшук, была глубоко верующей. Матушка справедливо считает, что именно благодаря молитвам дедушки (Наумчика Петра Антоновича) и бабушки (Наумчик Анны Моисеевны) Господь привёл её в монастырь. Да и мама (ныне монахиня Иоанна), выросшая в православной семье, многое сделала для принятия ею такого решения. Ведь именно мама водила своих детей, коих у неё было трое, в храм: и на службы, и на Исповедь, и на Причастие. В семье строго соблюдались все православные каноны вплоть до того, что никому из домочадцев не было позволено работать в большие православные праздники. Так было принято не только в их семье, так было принято по всей Белоруссии (ныне Беларусь) тогда, так есть и сейчас.

О монастырях в то время было известно мало, так как большая часть из них была разрушена, а в оставшихся находились где склады, где исправительные учреждения, клубы, а то и фермы.

– Помню, была у нас в Пинске раба Божия Нина, – продолжила свои воспоминания Матушка. – Она потом приняла монашество с именем Неонилла. Она была очень добрая и внимательная, проводила беседы с молоденькими девушками, рассказывала им о Православии, о святых, о происходящих чудесах. А у меня была подруга Олечка. Мы и в школе учились вместе, и в техникуме. Так вот, благодаря матушке Неонилле мы впервые попали в Почаевскую лавру – красивейшее место. Нам там

Свято-Успенский Жировичский ставропигиальный мужской монастырь, начало XX века

Жировичская икона Божией Матери

Игуменья Евфросиния (Максимчук) с сёстрами в Свято-Успенском монастыре, Жировичи, 1970-е гг.

Свято-Успенский Жировичский мужской монастырь, начало XXI века

очень понравилось!.. Посещала я и Жировичский монастырь уже у нас, в Беларуси.

Слушая неторопливый рассказ Матушки, я представила себе хрупкую молоденькую девушку, которая испытывала непреодолимую тягу к монастырской жизни, тогда ещё не совсем представляя глубины этой тяги. Однако тогда она ещё не отдавала себе отчёта, почему это происходит, и даже не пыталась задумываться над этим, а просто шла за зовом своего сердца...

И вот, посетив к тому времени уже не один монастырь, у неё возникло непреодолимое желание не просто поехать в монастырь, а пожить там подольше, окунуться в монастырскую жизнь изнутри и посмотреть, как живут монашествующие. И случилось это совсем неожиданно. Вот как об этом рассказывает Матушка:

– Как-то мы с мамой стоим в храме после богослужения, а я ей и говорю: «Мама, а можно мне в Жировичский монастырь поехать и побыть там подольше?» А как? Я же там никого не знаю, да и мама сначала встревожилась, ведь раньше мы туда ездили все вместе, а во время престольных праздников даже оставались там на ночь. Но мне так хотелось пожить там самой... А для этого надо было, чтобы меня кто-то принял... Так случилось, что мои слова услышала раба Божия Нина, стоявшая рядом с нами. И Господь так управил, что она написала своей знакомой матушке Наталии в монастырь записку, и я с этой записочкой поехала. Доехала до Жировичей автобусом, а там остановка прямо у монастыря... Я зашла в монастырь, нашла матушку Наталию, отдала ей записочку и по благословению схиигумении Гавриилы (Рисицкой) матушка Наталия поселила меня в свою келью. Они жили тогда в келье втроём. Там была большая перегородка на две части. В одной части жили две пожилые монахини (монахиня Сергия и монахиня Иоанна), а с другой стороны жила монахиня Наталия. Она мне поставила рядом раскладушку... Так я там и жила...

Тогда Любовь осталась в монастыре так надолго впервые. Но именно после этого первого посещения желание навсегда связать свою жизнь со святою обителью возросло ещё с большей силой. Любовь всё чаще стала представлять себя монахиней, одетой в чёрные одежды. И эти

ощущения вызывали в ней непреодолимое желание ещё и ещё раз возвращаться в святою обитель, чтобы снова окунуться в ставшую столь родной ей по духу монастырскую жизнь...

Однажды, накануне Вербного воскресенья, после всенощного бдения монахини и послушницы с вербочками в руках, идя к схиигумении Гаврииле, чтобы поздравить её с праздником, взяли с собой Любовь. Когда Любовь подошла к матушке Гаврииле, монахиня Наталия, представляя её схиигумении, сказала, что эта девушка просится в монастырь. Матушка ответила, что «это благое намерение, но власти пока не разрешают принимать в монастырь».

Однако, несмотря ни на что, Любовь все свои каникулы, а после окончания техникума и все свои отпуска старалась проводить в монастыре.

Шёл 1979 год. В то время Белорусский Экзархат возглавил ныне почивший митрополит Минский и Белорусский Филарет (Вахромеев), впоследствии митрополит Минский и Слуцкий. Он добился у властей разрешения на открытие Жировичского монастыря, а затем и на ежегодный приём в монастырь по три девушки.

...В один из приездов владыки Филарета в Жировичи иеромонах Евфимий (Байдаков), впоследствии схииархимандрит Порфирий, привёл Любовь в покои митрополита. А было это как раз на праздник Святой Троицы. Отец Евфимий, подводя её к Владыке, сказал просто: «Эта девочка хочет жить в монастыре». Матушка так вспоминает об этом:

– Владыка Филарет посмотрел на меня и говорит: «Ну, хорошо, приезжай. Мы посмотрим на тебя, понравишься ли ты нам. Ты посмотришь на нас, понравимся ли мы тебе... А потом и поговорим дальше...» А я после окончания учёбы отработывала последний год и спрашиваю у него: «Владыка, а можно мне сразу уволиться?» На что он ответил: «Нет, чтобы к тебе не было никаких вопросов и претензий, ты должна отработать как положено, ну, а затем приезжай...» Я так и сделала. Отработала до августа, приехала в монастырь, как на праздник – величайший праздник моей жизни, да так и осталась, слава Богу, в монастыре навсегда... И сегодня я прошу Господа только об одном – чтобы Он укрепил меня на этом пути...

Первое архиерейское богослужение епископа Полоцкого и Витебского Димитрия в Спасо-Евфросиниевском монастыре, Полоцк, 1989 г.

Высокопреосвященный Филарет, митрополит Минский и Слуцкий в Спасо-Евфросиниевском монастыре, Полоцк, 1992 г.

Посещение Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом древнего Спасского храма, Полоцк, 2009 г.

Игуменья Евдокия на праздновании 40-летия служения митрополита Филарета на белорусской земле, Минск, 2018 г.

Игуменья Евдокия (третья слева) с игуменьями монастырей Беларуси, Полоцк, 2018 г.

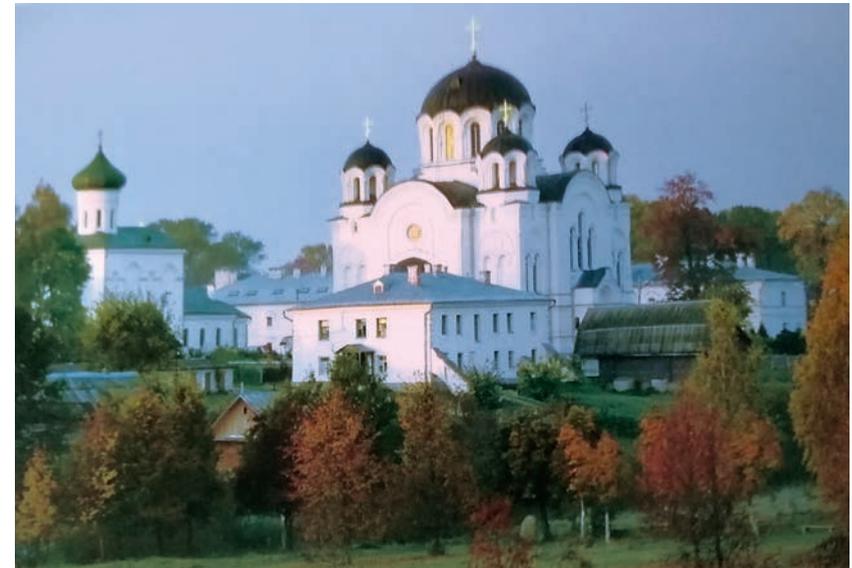
Спасо-Евфросиниевский монастырь, Полоцк, 1911–1912 гг.

Участники Полоцких Свято-Евфросиниевских Торжеств, Полоцк, 1910 г.

Архиепископ Полоцкий и Глубокский Феодосий и настоятельница Спасо-Евфросиниевского монастыря игуменья Евдокия с сёстрами, Полоцк, 2006 г.

Спасо-Евфросиниевский монастырь, Полоцк, 2006 г.

Чтобы жить в монастыре, в то время требовалась обязательная прописка и именно при монастыре, иначе были большие проблемы с властями. Но прописали Любовь Левшук только в 1981 году...

– Вначале меня оформили на работу при монастыре, – вспоминает Матушка, – и я стала ждать своей очереди на прописку. А принимали и соответственно прописывали тогда при монастыре по три человека в год. Так сумел договориться с властями Владыка. Это для нас для всех была большая победа... Но там ещё жили монахини, которые пришли раньше меня и трудились при монастыре, и их нужно было прописать в первую очередь, ведь без прописки в монастыре нельзя было жить – к сёстрам было множество претензий и придинок со стороны власти... Помню, как мы, когда приходила комиссия, которая проверяла прописку, прятались по шкафам, чтобы нас не нашли... И находили, и выдворяли... Всякое было... Дело в том, что мы были прописаны в Слониме, а оформлены на работу в монастыре в Жировичах, но жить там не имели права... Такие были порядки...

Девушек часто вызывали в Слоним, в паспортный стол по месту прописки, проводили с ними воспитательные беседы. Их то ругали, то грозили наказанием, уговаривая уйти из монастыря. Когда это не имело действия, уговаривали начать жить «как все» – выйти замуж, рожать детей. Девушки же только молча выслушивали все эти нарекания и угрозы, но ни одна из них не изменила принятого решения. Если же становилось совсем невмоготу выслушивать все оскорбления и нарекания, они только ниже склоняли головы...

– Мне говорили, – вспоминает Матушка, – куда ты идёшь, ведь там живут одни тунеядцы... А я себе думаю: «Как же так? Мы с утра до вечера трудимся, не покладая рук, а мне говорят "тунеядцы"». На нас злились, кричали, но что они могли с нами сделать? Покричали, покричали, да с тем и остались... Ну, а мы так и остались при своём... А через полтора года, в 1981 году наконец прописали и меня да ещё двоих сестёр... Как сейчас помню, прописали меня 6 апреля... Я выписалась из Слонима и прописалась в Жировичах при монастыре... Это было перед праздником Благовещения Пресвятой Богородицы... В этот же день на меня надели подрясник...

Так Любовь осталась в монастыре навсегда...

Свято-Успенский Жировичский ставропигиальный мужской монастырь – очень старинный монастырь. Ему около пяти веков. Эта святая обитель является оплотом Православия в Беларуси. И, конечно же, попасть тогда в эту святую обитель для молоденькой девушки, мечтающей о монашестве, было, по её словам, верхом блаженства. А проведённые в этом монастыре годы она вспоминает просто с придыханием:

– Мне казалось, что все 12 лет, проведённые мною в Жировичах, я каждый день жила так, словно спешила на какой-то пир, самый великий пир в моей жизни... Все послушания, на которые меня благословляла игуменья Евфросиния, были для меня в радость... Послушания же были разными: огородницы, погребщицы, просфорницы, повара, певчей, регента, бухгалтера. А ещё я несла послушание в Минской епархии у митрополита Филарета.

Из воспоминаний матушки Евдокии я узнала об схиархимандрите Иоанне (Маслове), который был духовником в монастыре. Узнала, что Батюшка перенял духовный опыт старцев Глинской пустыни и имел великий дар рассуждения и убеждения. Кроме духовного опыта тогда ещё архимандрит Иоанн прекрасно разбирался в истории, экономике, сельском хозяйстве и многих других сферах и с удовольствием делился своими знаниями с братией и сёстрами монастыря. По её же словам все, кто лично общался с отцом Иоанном, говорили о необычайном влиянии духовника на их жизнь и с восторгом вспоминали о том, ни с чем не сравнимом благодатном времени, проведённом рядом с этим великим Старцем...

Шёл 1990 год. К этому времени в Белоруссии (ныне Беларусь), в городе Полоцке открылся женский монастырь, однако не всё было так просто...

Вот как об этом рассказывает Матушка:

– В конце 1989 года большими трудами был открыт Евфросиниевский женский монастырь. Дело в том, что до этого на месте монастырских построек было запланировано открыть туристический комплекс. В Кресто-Воздвиженском соборе планировалось разместить планетарий, в Спасо-Преображенском храме XII века сделать музей, а мощи преподобной Евфросинии Полоцкой перенести в Свято-Евфросиниевскую церковь, а затем в здание бывшего монастыря Апостола Иоанна Богослова

Митрополит Минский и Заславский Вениамин посетил Спасо-Евфросиниевский монастырь, Полоцк, 2021 г.

День Ангела игумении Евдокии, Полоцк, 2021 г.

Игуменья Евдокия на XXX Международном образовательном форуме «Глинские чтения», Москва, 2021 г.

в Задвинье, где размещалась психиатрическая больница... В монастырских корпусах тогда ещё жили люди. И только усилиями рабы Божией Татьяны Никодимовны Храповицкой (впоследствии монахини Таисии) все работы по строительству туристического комплекса были прекращены. И то не сразу... Она стучалась во все инстанции: и в Москву, и в Ленинград (ныне Санкт-Петербург). Всё было тщетно... Ей даже говорили, что проще открыть десять приходов в Полоцкой епархии, чем один монастырь в Полоцке. Но уже были прецеденты открывающихся монастырей в других местах... И Татьяна Никодимовна продолжала обивать пороги чиновников... Обивала, обивала, а потом устала. Уехала на дачу, расплакалась там у иконки преподобной Евфросинии Полоцкой, говоря: «Прости меня, Преподобная, но я не в силах дальше что-либо делать...» Помолилась она, так и легла спать. А ночью ей явилась Преподобная и говорит: «Я тебе помогу, а ты – мне. Продолжай начатое, не бросай». Так и случилось... И вскоре монастырю вернули его прежний статус. И был это 1989 год...

А уже в 1990 году из Жировичского монастыря в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь переехали 14 сестёр. В 1991 году – ещё 18 сестёр во главе с матушкой Евфросинией. Среди них была и матушка Евдокия.

– Когда мы приехали в Полоцк, Крестовоздвиженский собор внешне уже был приведён в порядок, даже крест был на куполе. До этого там держали и кроликов, и свиней... Все внутренние работы и работы по благоустройству территории мы уже делали сами. До нашего приезда была восстановлена Свято-Евфросиниевская церковь, где в то время разместились сестринская трапезная и кухня. Монашеские корпуса, где до этого жили мирские люди и куда мы должны были заселиться, находились в ужасном состоянии. Повсюду на закопчённых стенах висели гирлянды паутины, везде – мусор и грязь... Много пришлось потрудиться, чтобы привести наши жилые корпуса в надлежащий вид.

После ремонта сестёр расселили в комнатах по четыре человека и одновременно продолжали делать ремонт.

В 1992 году, в дни Великого поста, владыка Димитрий совершил постриг инокини Любви в монашество с именем Евдокия.

С июня 1992 года правящим архиереем Полоцкой епархии стал епископ Глеб (Савин). Он же в 1995 году назначил монахиню Евдокию бла-

гочинной. И большая часть ответственности за восстановительные работы, которые проходили в монастыре, легла на её хрупкие плечи. Но молодость не знает преград, а желание быть в монастыре и горение в сердце наполняли её великой силой...

– Да, сил нужно было много, но мы были молоды и так жаждали монашеской жизни, что никакие испытания не могли нас отвратить от нашей мечты... Мне кажется, что тогда чистота и целомудрие были выше, чем сегодня... А ведь чем чище внутреннее состояние человека, тем он благороднее... У нас тогда было такое огромное желание жить в монастыре, что все остальные трудности мы просто не замечали... Со временем основные строительные работы были закончены, и жить стало полегче.

В 2004 году матушка Евдокия стала настоятельницей Спасо-Евфросиниевского женского монастыря.

Пройдя через все трудности и испытания, она и сегодня продолжает заботиться не только о названных сёстрах, но и о дальнейшем благоустройстве и процветании самого монастыря. Вот как она сама об этом говорит:

– Сегодня основная наша задача, конечно же, кроме ежедневных молитв, – ещё и восстановление Преображенской церкви. Этот храм был возведён в XII веке за рекордно короткий срок, и там до настоящего времени сохранились уникальные фрески... Вокруг храма во время раскопок были обнаружены части фундаментов от галерей. Житие рассказывает нам о том, что незадолго до окончания строительства церкви свершилось чудо. Внезапно рабочие обнаружили, что не хватает кирпича, чтобы закончить строительство в срок. Тогда Преподобная помолилась Господу о помощи, которая и явилась вскоре: утром строители нашли в печах уже готовые, обожжённые кирпичи именно в том количестве, которое было необходимо для завершения строительства...

Воспоминания... Матушка с благодарностью вспомнила об архиепископе Феодосии (Бильченко), который с 1997-го по 2019 год управлял Полоцкой епархией и который, по её словам, «имея богатый духовный и жизненный опыт, внёс огромный вклад в духовную жизнь обители».

С особой теплотой она говорила о ныне почившем владыке Филарете (Вахромееве):

– Меня он принимал в монастырь, он же благословлял меня на пошение подрясника, он же постригал меня в иночество и возводил в чин игумении. И за наш монастырь ходатайствовал. Он всегда воодушевлял, вдохновлял, учил укрепляться в вере и всегда был примером во всём...

Слушая воспоминания Матушки, я попыталась представить себя на месте одной из послушниц монастыря, но так и не смогла... Ведь мы, живущие в миру, уже не представляем свою жизнь без мобильного телефона, без компьютера, а самое главное – без свободного передвижения и общения с людьми. А ещё монашествующие в среднем в день в молитвах и заботах проводят по 20 часов. И дисциплина в монастыре не сравнима даже с армейской. Это – абсолютное послушание. И это очень серьёзное испытание под силу не каждому. Но тот, кто открыл для себя Бога, и те, кто надеется его обрести или разочаровавшиеся в миру, – все ищут утешение и пристанище именно в таких святых обителях, как Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь. И самое главное – они находят здесь то, что так долго искали... Однако я поняла и иное – монашество вовсе не исключает просвещения. Будучи монашествующим, получив благословение, можно и диплом получить, и путешествовать по святым местам.

Так и матушка Евдокия, просвещаясь сама, ведёт огромную духовную просветительскую работу не только в монастыре, где она постоянно занимается со своими насельницами, читая им лекции, проводя с ними совместные беседы, организуя им встречи со святыми отцами со Святой Горы Афон и иных святых мест. Это и её духовно-просветительская деятельность, и благотворительная работа как в самом городе и области, так и за их пределами. Не зря же в 2010 году она удостоена государственной премии «За духовное возрождение», в 2015 году – звания «Почёт-

ный гражданин Полоцка», а в 2016 году – почётного звания «Человек года Витебщины».

Подходя к концу своего небольшого повествования о жизненном пути игумении Евдокии, добавлю только, что беседа с Матушкой оставила в моём сердце глубокий след. Я навсегда запомню её светлую лучистую улыбку, излучающую благодатную любовь и радость от того, что она выбрала именно этот путь, которому она следует всю свою жизнь и отдаёт всю себя, испытывая при этом величайшую радость.

И сегодня она щедро делится этой радостью со своими названными сёстрами, приучая их молиться и любить, говоря каждой из них, что «всё в этой жизни имеет значение, но самое важное – это любовь и молитва»...

Май 2021 года

Полоцкий Спасо-Евфросиниевский ставропигиальный женский монастырь

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ

Спасо-Евфросиниевский женский монастырь был основан в XII веке, около 1125 года, преподобной Евфросинией Полоцкой. Преподобная Евфросиния (в миру – Предислава) происходила из древнего княжеского рода, являлась праправнучкой святого равноапостольного князя Владимира.

Житие гласит: «Однажды ночью в сонном видении Преподобной явился Ангел Божий», который повёл её к месту, называемому в народе Сельцо. Там находились храм-усыпальница полоцких епископов и деревянная Спасская церковь. Ангел Божий сказал святой Евфросинии: «Евфросиния, здесь тебе подобает быть». В ту же ночь Ангел Божий явился епископу Илии и сказал: «Веди рабу Божию Евфросинию в церковь святого Спаса, что на Сельце, ибо то место святое, а она достойна Царствия Небесного». Епископ благословил преподобную Евфросинию перейти в Сельцо, и святая вместе с одной инокиней вскоре пришла туда, взяв с собой только три хлеба и книги...

Около 1155 года неподалёку от Спасской обители была построена церковь Пресвятой Богородицы, и там устроили мужской монастырь.

На месте старого ветхого деревянного Спасского храма возвели каменный храм. А в 1161 году в Спасский храм был принесён «на вечное хранение» воздвизальный Крест-ковчег, изготовленный по заказу святой игумении мастером-ювелиром Лазарем Богшей в древневизантийской технике перегородчатой эмали.

После кончины Преподобной в течение нескольких столетий основанные ею обители процветали и благоустраивались. Однако в 1582 году

Вид Полоцка с колокольни Николаевского собора, конец XX века

Спасский храм XII века до реставрации

Монастырские постройки до реставрации

храм был передан католическому ордену иезуитов. Возвращён православным Спасо-Преображенский храм был в 1841 году.

И только в 1909 году был издан Указ Государя Императора Николая II о перенесении мощей преподобной Евфросинии в Спасо-Евфросиниевский женский монастырь.

В 1925 году монастырь был закрыт.

В 1943 году монастырь был открыт, а уже в 1961-м снова закрыт. И только 6 июля 1989 года по решению Синода Русской Православной Церкви Полоцкая обитель была вновь возрождена.

В 2007 году в канун празднования дня памяти преподобной Евфросинии в монастырь была доставлена серебряная рака, куда и были переложены святые мощи великой Полоцкой княжны.

В 2010 году Спасо-Евфросиниевский монастырь отпраздновал 100-летие перенесения мощей преподобной Евфросинии. И в том же году в монастырь был привезён список с древнего Эфесского образа Божией Матери, которым в XII веке преподобная Евфросиния украсила основанный ею Богородицкий мужской монастырь.

В настоящее время все постройки монастыря, кроме Спасского храма XII века, находящегося на реставрации, полностью восстановлены. В обители находятся более 120 сестёр. Управляет монастырём игуменья Евдокия (Левшук).

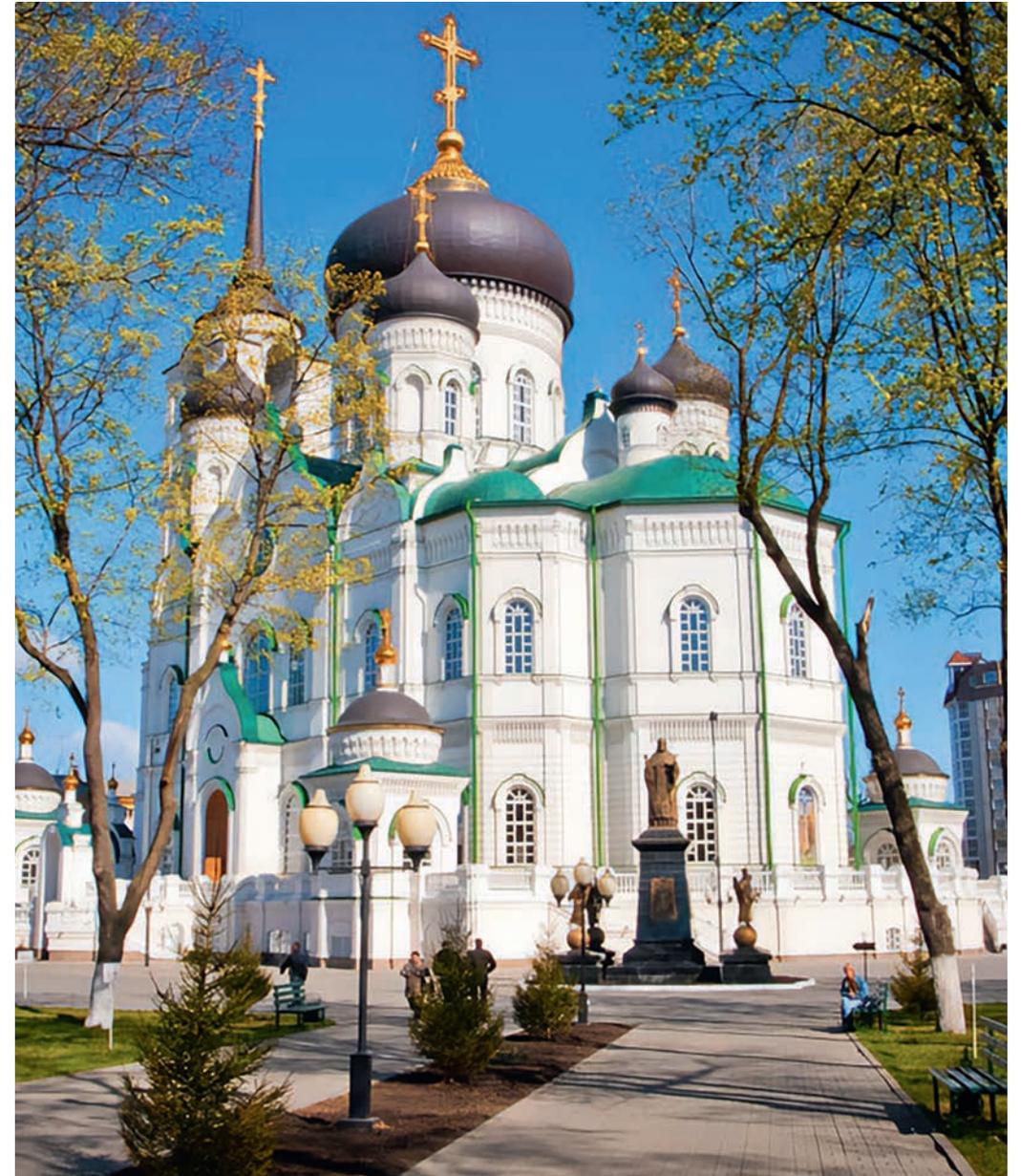
ПЕЩЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ

В горе, где холодно и суро,
Собрав все немощи в кулак,
Седой старик пещеру вырыл -
Никто не ведал кто и как.

Гласит преданье, что блаженным,
Юродивым в округе слыл.
И что, простившись с миром бренным,
В пещере сам себя закрыл...

От мира там он укрывался
И, в одиночестве живя,
Слезами утром умывался,
Шолитвенно о всех скорбя...

Так проводил он дни и ночи,
Себя забыв... Но, мир любя,
Закрыл благословенно очи,
Отдав Ему всего себя...

Воронежская митрополия
Кафедральный собор Благовещения Пресвятой Богородицы

Игуменья Елена (Золотухина)

«Чистое сердце, словно криница, – всем пригодится».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Дорога на подъезде к пещерному Костомаровскому Спасскому женскому монастырю пролегла между ухоженных, покрытых яркой весенней зеленью полей. В Москве, откуда лежал мой путь, только появлялись первые приметы весны, а здесь уже было по-летнему тепло. Вокруг белыми облаками красовались сады и расцветала сирень.

Так, любуясь красотами воронежской земли, я наконец добралась до монастыря.

Приметы необычности Спасского пещерного монастыря начинались от самых ворот – единственного ограждения, которое отделяло его от внешнего мира. Вместо привычных монастырских стен территорию монастыря окаймляли серовато-белого цвета горы, больше напоминающие высокие холмы. В глубине самой высокой горы виднелись фасад пещерного храма, увенчанный куполом с крестом, и вход, который вёл внутрь. К храму вели ступеньки, выбитые прямо в горе, которые соединялись в длинную, ведущую вверх лестницу. Чуть дальше расположились небольшие пещеры, к которым от храма вели такие же выбитые в скале ступеньки.

Пройдя в глубь монастырской территории, у подножия горы, в которой находился пещерный храм, я увидела ещё один храм, но уже не пещерный, а обычный – наземный. Далее шли различные монастырские постройки, вдоль которых ровными рядами росли деревья. Чуть дальше, в лощине, виднелись такие же ровные ряды грядок, а в стороне белел цветущий сад. Кругом царили чистота, порядок и уют.

Прежде чем зайти в монастырскую лавку, где мы договорились встретиться с матушкой Еленой, игуменией монастыря, я зашла в храм, который размещался у подножия горы. В храме было очень тихо и только негромкая молитва монахини да потрескивание свечей нарушали её тишину. Я подошла к знаменитой Костомаровской иконе Божией Матери. И первое, что бросилось в глаза, – это шесть огромных пулевых отверстий в ней. И мысль: «Кем же надо быть, чтобы совершить такое?...» Пока рассматривала икону, в храм вошёл мужчина, и даже не вошёл, а словно проплыл мимо меня, так бесшумны были его шаги. Вид у него был настолько отрешённый, что, увидев, что он направляется к иконе, я тихонько отошла в сторону. Мужчина очень долго стоял, склонившись в низком поклоне перед иконой, чуть слышно шепча слова молитвы. Затем, пройдя в центр храма, встал на колени и замер... Кроме меня и монахини никого в храме не было, и мне почему-то стало так неловко, словно я нарушила некое таинство, которое не имела право нарушать, и поспешила на выход...

Лавка, куда я направилась после посещения храма, оказалась очень просторной и разнообразной по наполнению. Кроме привычных прилавков с монастырской утварью и сувенирами здесь располагалось небольшое кафе для паломников, где можно было выпить горячего чая с мёдом и монастырскими пряниками, попробовать, а то и приобрести свежее молоко, сыр, сметану и творог.

Не успела я обойти и рассмотреть всю лавку, как в дверь вошла матушка Елена.

Я стояла в сторонке и наблюдала, как Матушка спокойно, без суеты даёт какие-то указания монахиням, работающим в лавке. Так же тихо, не спеша, она останавливалась и о чём-то беседовала с паломниками, коих в этот день было немало. Её неторопливость и добродушие, которые прослеживались в каждом движении, говорили о её характере больше, чем множество сказанных слов.

Подойдя ко мне, матушка Елена поздоровалась, поинтересовалась, как доехала, устала ли, предложила горячего чая. А затем, сославшись на занятость монастырскими делами, извинилась и, благословив одну из монахинь, чтобы та провела меня по монастырю, не торопясь удалилась.

Матушка Нектария (Мельникова) оказалась на редкость интересной собеседницей. Она рассказала множество интереснейших историй, свя-

занных с возникновением пещерных храмов, и показала все, даже самые потаённые места пещерного монастыря. Мне посчастливилось увидеть место, где лежала плащаница, пещерные «затворы» – небольшие пещеры, где старцы замуровывали себя, оставляя только окошечко, чтобы им можно было передать воду, хлеб и записки с просьбами о молитвах. А ещё посетила пещеру покаяния, представляющую из себя длинный узкий коридор, в конце которого производилась тайна Исповеди. Матушка сказала, что подобная пещера – единственная в России и что сюда приезжают не только паломники, но и священнослужители, и монашествующие из разных мест.

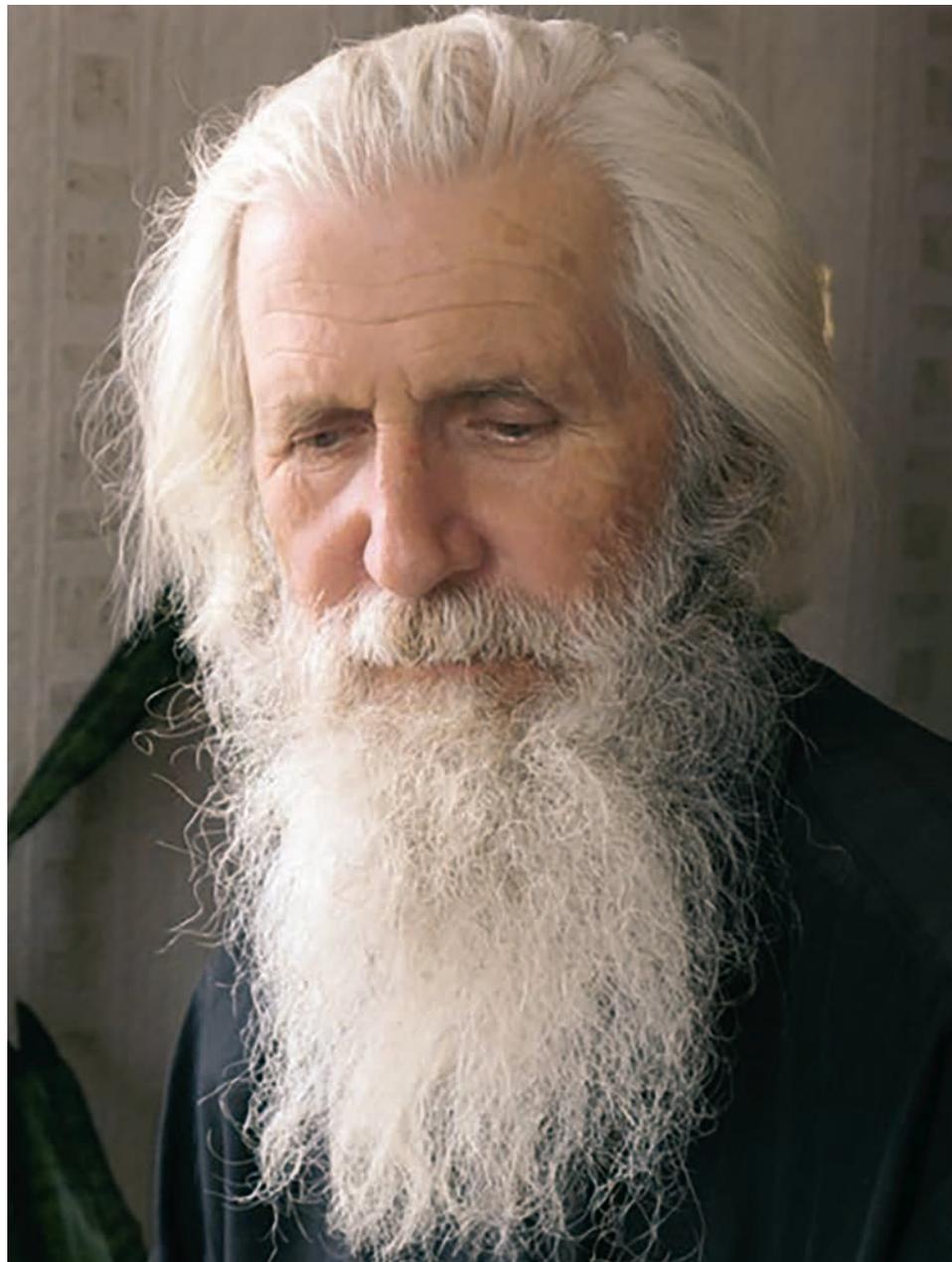
В Пещерном храме в честь Нерукотворного Образа Спаса одним из приделов оказался придел святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Матушка Нектария, увидев моё удивление, улыбнувшись, сказала: «Теперь я знаю, кто Вас сюда привёл...» А затем, подведя к иконе «Жёны-мироносицы», добавила: «А ведь сегодня День жён-мироносиц... И это не просто так – это Промысл Божий...»

И уже потом, беседуя с матушкой Еленой и узнав от неё всю историю пещерного монастыря, поняла, почему, находясь внутри этих пещер, у меня было ощущение, что я словно перенеслась в иную эпоху и чувствовала присутствие кого-то рядом...

Обязательно поведаю читателю обо всём, что я узнала о монастыре, но, как обычно, в конце своего повествования. А начну с рассказа о жизненном пути его настоятельницы – игумении Елене (Золотухиной), на встречу с которой я и приехала.

Матушка Елена, в миру Золотухина Инна Митрофановна, родилась 18 октября 1967 года в городе Воронеже. Мама, Тамара Ивановна, была медсестрой, а папа, Митрофан Васильевич, инженером. Однако, по словам Матушки, атеистами они не были. В Воронеж родители приехали из сельской местности, и, естественно, маленькая Инна почти каждое своё лето проводила в деревне у своих бабушек. От них она впервые узнала, что такое вера.

– Время было тогда такое, – начала свои воспоминания матушка Елена, – что открыто говорить о своей вере было не принято, более того даже опасно. И дома у нас также открытых разговоров о вере не было в отличие от бабушек. Бабушки же в храм ходили, хотя и очень редко, так как особой

Золотухин Митрофан Васильевич (в монашестве Илларион). Отец игумении Елены

Золотухина Тамара Ивановна (19 лет). Мать игумении Елены

возможности не было. И иконы с лампадками у них дома были, у которых они молились. У нас дома также была иконка, пусть и небольшая. И мама, надо сказать, хотя и не была церковным человеком, но в её поведении, как я уже сейчас понимаю, была некая богобоязненность... Однажды, когда я была ещё совсем маленькой, мы приехали к бабушке, и я, сидя под иконой, сказала, что Бога нет, потому что нас в садике так научили. Мама тогда с тревогой в голосе сказала, что «за такие слова Господь может тебя наказать». Я от такой её реакции притихла и на всю жизнь запомнила эти слова и уже никогда больше так не говорила... Однажды меня, пятилетнюю девочку, родители впервые привели в музей изобразительных искусств. Из всего увиденного я запомнила только одну картину, на которой был изображён Господь в терновом венце. Глядя на Него, я чувствовала, что передо мной не просто страдающий человек, а Некто большой. И вот это ощущение запомнилось на всю жизнь... А в моём сердце хранится глубокая благодарность родителям за чувство любви, теплоты и защищённости, которые я испытала в детстве. Особенно близки мы были с мамой, и я могла ей доверить любой свой детский секрет...

Когда Матушка рассказывала о своей маме и о тех воспоминаниях, которые связаны с ней, у неё глаза были полны слёз. Оно и понятно, ведь мама ушла из жизни, когда ей было всего 12 лет. И осталась девочка одна, без мамы, в самый ответственный и сложный период взросления... Однако мудрость отца и доброе отношение бабушки помогли ей справиться со скорбью.

– Отец так больше и не женился, – продолжила Матушка. – Он сделал всё, чтобы я успешно окончила школу и поступила в университет, за что я ему очень признательна. А его верность маме, даже после её смерти, и самоотверженность ради близких стали самым убедительным жизненным примером. К сожалению, понимание того, что сделал для меня отец, пришло намного позже...

Будучи студенткой филологического факультета Воронежского университета, Инне приходилось много читать. А вместе со знаниями возникало огромное количество вопросов, на многие из которых она не находила ответов. Тогда же пришло её первое, не совсем ещё ясное, но уже осознанное понимание веры. И тогда, желая получить ответы на волнующие её вопросы, она начала ходить в храм. Там же была её первая Исповедь:

– Я очень хорошо помню свою первую Исповедь и Причастие. Я ведь не знала тогда, что к этим таинствам надо готовиться... А получилось так, что, когда я подошла к священнику с одним из волнующих меня вопросом, он вместо ответа посоветовал мне исповедоваться и причаститься Святых Христовых Таин. Он не наложил на меня никаких молитвенных правил, а сказал только, чтобы я утром пришла на службу, накануне ничего не ела и не пила после полуночи... И вот я прихожу в храм. Народу было очень мало. Я подошла к Батюшке и толком не знаю, что говорить. Батюшка меня спрашивает о грехах, а мне казалось, что их-то у меня и нет, и что ему говорить – не знаю... Он тогда, конечно, со мной намучился... Но когда я причастилась, у меня появилось ранее неведомое ощущение какой-то особой внутренней свободы и радости, которые сосредоточены в сердце и не рвутся наружу, а согревают изнутри. Вот тогда я впервые почувствовала прикосновение Божией Благодати, подаваемой Господом совершенно безвозмездно, не по заслугам, а просто потому, что ты Ему доверилась. После этого у меня возникло ощущение, что я жила до этого в комнате с низкими потолками, а сейчас они раздвинулись, и мне даже дышать стало легче. И именно тогда пришло желание побольше узнать о храмах, монастырях и о Православии. Я думаю, что это случилось по маминым молитвам...

Ощувив это, неведомое доселе чувство, Инна вдруг вспомнила слова отца, сказанные им ещё когда мама была жива: «Где бы взять Библию, чтобы прочитать? Наверное, хорошо быть отшельником». К чему они вспомнились, она тогда так и не поняла, и только через время пришло осознание, что «это и был Промысл Божий, который через мысли, образы и поступки вёл и её, и её отца начертанным им путём». И действительно, Инна, находясь в храме, ощущала себя совершенно по-иному, чем вне его. В храме ей всё казалось чище, светлее и ближе её мироощущению. А когда она выходила из храма, ярче и больнее ощущались фальшь и ложь окружающей действительности. И именно в тот момент на неё «посыпались всякого рода искушения». Матушка так вспоминает об этом:

– Когда я стала пытаться обрести истинную веру, на меня посыпались определённого рода искушения. Ко мне вдруг стали подходить проповедники разных конфессий: иеговисты, адвентисты, баптисты, пятидесятники и другие. И каждый из них рассказывал о своей вере, уговаривая меня

Митрополит Воронежский и Лискинский Сергей в день памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии на Божественной Литургии

Игуменя Елена благословляет насельниц монастыря

Крестный ход на Светлой седмице

Насельницы монастыря

прийти именно к ним, говоря, что только их вера единственно верная... Все они были противниками Православия. Все сыпали цитатами из Библии, подтверждая ими истинность своей позиции. Это всё меня очень смущало. И тогда я стала молиться, понимая, что кому, как не Господу, знать саму Истину. Я сказала: «Господи, Ты один знаешь, где Твоя Истина, приведи меня туда, где Ты пребываешь!». Вскоре все проповедники исчезли, а я пришла в монастырь...

Осенью 1991 года Инне знакомые предложили поехать в Преображенский женский монастырь г. Задонска. С ней поехал и её отец. И так случилось, что духовник монастыря, ныне покойный архимандрит Пётр (Кучер), неожиданно предложил ей остаться в монастыре. Но Инна, прожив некоторое время в монастыре, поняла, что ещё не готова...

Вернувшись в Воронеж, она решила ещё раз поговорить со священником, у которого исповедовалась. Батюшка, чтобы полностью развеять сомнения, посоветовал ей поехать к духовнику Троице-Сергиевой Лавры, ныне почившему архимандриту Кириллу (Павлову).

– Батюшка, направляя меня в Лавру, сказал: «Отец Кирилл обязательно скажет, как поступить. Он никого не принуждает, но, видя будущее, скажет, как лучше для тебя самой». И я вместе со своей приятельницей, после последней зимней сессии, поехала к отцу Кириллу в Загорск (ныне Сергиев Посад). Придя к нему, я сказала причину своего приезда и высказала свои сомнения по поводу монашества, на что он мне ответил: «Иди в монастырь, милое дело! У вас в Воронеже хороший монастырь. Только учёбу не бросай, обязательно доучись». И больше ничего не сказал, а, по-отечески улыбнувшись, отпустил меня.

Через время после этой поездки Инна ощутила такое желание и тягу к монастырской жизни, что даже сама себе не могла объяснить эту случившуюся с ней перемену.

Чтобы окончательно развеять мучившие её сомнения, Инна решила поехать к своему духовнику, архимандриту Никону (Васину) (ныне схимитрополиту), который в то время был наместником Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря. Отец Никон благословил её после окончания института поступить на послушание в Алексеево-Акатов монастырь, к матушке Варваре (Сажневой), которая также была его чадом.

Защитив диплом, Инна так и сделала – пришла в Воронежский Алексеево-Акатов женский монастырь послушницей, да так там и осталась на долгие 15 лет. Там же она приняла иноческий постриг, а в 1998 году – монашеский. В монастыре она несла разного рода послушание, последним из которых было – благочинная монастыря.

– Когда я пришла в монастырь, – вспоминает Матушка, – через какое-то время принял монашеский постриг и мой отец, с именем Илларион, настолько глубоко он понял и принял мой выбор...

Когда матушку Елену перевели на послушание в Спасский монастырь, для неё это было совершенно неожиданно. За долгие годы жизни в Алексеево-Акатове монастыре он стал для неё настоящей духовной семьёй, а игумения Варвара – духовной матерью. Но один из главных обетов, которые даёт монах при постриге, – обет послушания. Исполняя его, монахиня Елена в апреле 2007 года переехала в Спасский женский монастырь.

– В то время матушка Серафима (Иванова), настоятельница Костомаровского монастыря, тяжело заболела, и я почти сразу же получила назначение Его Высокопреосвященством митрополитом Сергием на должность старшей сестры. А позже меня возвели в сан игумении.

Спасский монастырь, когда туда приехала матушка Елена, уже был действующим. В течение десяти лет правления игумении Серафимы был возведён наземный храм в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших», да и пещерный комплекс был практически полностью приведён в порядок. Но для матушки Елены и насельниц дел было ещё предостаточно.

– Сёстры, которые несли здесь своё послушание со дня основания, – вспоминает Матушка, – рассказывали, что, когда они приехали сюда, здесь было совершенно пустое место с заброшенными, полуразрушенными и даже осквернёнными пещерными храмами. А их было тогда только трое уже достаточно взрослых монахинь: Серафима, Иоасафа и Дионисия. И основная работа, конечно же, легла на их плечи. Я же, можно сказать, продолжила подвизаться здесь вместе с сёстрами – с теми, кто остался и кто пришёл впоследствии...

Однако за время послушания матушки Елены на должности игумении сделано немало. Уже при ней был достроен и освящён наземный храм в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших». При монастыре раз-

вёрнуто своё хозяйство (коровы, куры и иная живность). Есть своя пасека, огород, сад.

На территории монастыря возведена небольшая гостиница, в которой, в основном, располагаются духовенство в те дни, когда их черед служить, а также трудницы, приезжающие помочь обители. Построена новая гостиница, которую разместили в Костомарове, ведь святая обитель привлекает тысячи паломников из разных мест России и зарубежья. Они приезжают сюда не только увидеть своеобразие и удивительную красоту природы, но и напитаться духовной силой этого необычного места.

Насельницы монастыря принимают всех паломников, размещают их, оказывая каждому надлежащее уважение. И это, несмотря на то, что, как говорит Матушка, «сюда приезжают совершенно разные люди, среди которых много нецерковных, не знающих, как себя надлежит вести в таких местах. Каждый приезжает сюда за чем-то своим. Кто-то ищет прощения, кто-то надеется на исцеление, а кто-то просто из любопытства... И сёстры стараются сделать всё для того, чтобы паломники почувствовали тепло этого места, чтобы они не уехали опустошёнными».

Обычно я не задаю вопросы своим собеседникам, но есть вопросы, которые меня волнуют. Один из них – вопрос о том, что чаще всего движет теми, кто посвящает свою жизнь монашеству? И второй – много ли приходит тех, кто пережил какое-либо потрясение в жизни? Матушка ответила мне так:

– Я вспоминаю слова матушки игумении Варвары, настоятельницы Алексеево-Акатова монастыря. Она говорила, что есть много людей, переживших страшнейшие потрясения, но ведь они не все приходят в монастырь. А если приходят, то одна из тысячи. Да и пережившим потрясение – это не повод принимать в монастырь. Потрясение пройдёт, и всё встанет на свои места... А монашество – это своего рода призвание. Человек должен понимать, чувствовать и полностью отдавать себе отчёт, на что и ради чего он идёт. И на этот Божий призыв обязательно должно отозваться сердце... А самое сложное – понять и почувствовать этот момент... Многие, не обдумав своё решение до конца, приходят в монастырь, а через время просто убегают. Потому что не так глубока вера и не всё понято и прочувствовано... Ведь не зря, прежде чем принять монашеский постриг, даётся испытание. Сначала несколько лет побыть послушницей,

затем инокиней и только потом принять монашеский постриг... Человеку в миру дана возможность переключаться, момент некой психологической разгрузки: на работе я один, в домашних условиях немного другой. В монастыре же мы постоянно находимся в одних и тех же условиях с одними и теми же людьми, и у нас нет такой лазейки, чтобы перезагрузиться. Здесь каждый на виду и никто ничего не может скрыть даже от самого себя. Именно здесь каждый начинает многое о себе узнавать, и не всегда хорошее. И это надо перетерпеть, понять и принять. Как сказал митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий: «В монастыре долго на цыпочках не прстоишь». Надо суметь увидеть себя, а увидев, понять, над чем необходимо потрудиться, что исправить, изменить, а от чего избавиться. Это для того, чтобы смириться перед Господом, перед ближним и как бы начать всё с чистого листа. И именно это самое сложное по силам не каждому... Я знаю такие примеры, когда в сложные 90-е годы люди принимали монашество порой от безысходности. И, надо сказать, что вначале они были очень ревностны, а потом через какое-то время оставляли всё и возвращались к мирской жизни. Оставались же только те, у кого смиреннее душа и есть открытая, чистая любовь к людям. И это необязательно интеллеktуал или человек с железной волей, а простой смиренный человек...

Жизнь насельниц Спасского монастыря полностью подтверждает слова, сказанные матушкой Еленой. Сама Матушка пришла в пещерный Спасский монастырь, уже имея опыт окормления, и сегодня общается с сёстрами так, как общались опытные монахини с ней в Алексеево-Акатовом монастыре, как общалась со своими насельницами игумения Варвара, которая и сегодня для Матушки является примером истинного монашества. Она не только наставляет своих сестёр, коих в монастыре около 30, но и трудится над собой, говоря при этом, что «игуменство – это не должность, а место чрезвычайного смирения». И видя, как к ней относятся её сёстры и батюшки, становится совершенно понятно, что это не просто слова. Матушка совершенно доступна, если можно так сказать. К ней может прийти со своей проблемой каждый, и она никому не отказывает, терпеливо выслушивает. А если даёт совет, то делает это очень тактично и бережно, чтобы не задеть и не обидеть собеседника. Об этом мне рассказали насельницы святой обители. От них же я узнала,

что они, пусть и не так часто, но собираются на совместные разговоры и чтения, где читают святоотеческую литературу и спокойно обсуждают волнующие их вопросы.

Слушая Матушку и насельниц монастыря, я поражаюсь их одухотворённости. Однако на прощание мне всё же захотелось узнать у матушки Елены, что же всё-таки для неё самое сокровенное в жизни, но она, улыбнувшись, снова заговорила о своих сёстрах, о батюшках и о святой обители. И я поняла, что все, кто её окружают, и всё, что происходит в святой обители, – и есть её самое сокровенное. Это и есть её жизнь...

– Главное наше послушание – молитва. Ведь для монашествующих монастырь – это место духовной брани... С нами молятся наши батюшки: протоиерей Виталий Шомин, иерей Николай Резниченко, иерей Александр Самсонников. Божественная Литургия у нас ежедневная. Читаем акафист перед Костомаровской иконой Божией Матери, служим молебны преподобному Серафиму Саровскому. На праздник Тихвинской иконы Божией Матери проходит традиционный крестный ход из монастыря через село Костомарово к Дону, где на источнике в честь этого образа совершается молебен Пресвятой Богородице. Но особым молитвенным настроением проникнуты ночные богослужения в пещерном храме...

Действительно, каждый, посещая это красивейшее во всех отношениях место, ощущает на себе непостижимую духовную силу, которой наполнены стены пещерного монастыря.

Непостижимость и сокровенность подвигов безымянных создателей монастыря, их твёрдое неотступное стремление к своему Творцу, навеки запечатлённое в могучих сводах и столпах пещерных храмов, поражают и смиряют ум современного человека, вдохновляют и наполняют его Божественной Благодатью, пробуждая в душе память о вечном...

Май 2022 года

Костомаровский Спасский женский монастырь

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ

Гипотеза о создании пещерных монастырей Подонья в период с XVII по XIX века никак не противоречит тому, что начало этому удивительному явлению было положено ещё в древние VII–X века. Заново осваивая Юг России после его длительного запустения, переселенцы могли обнаружить заброшенные пещерные храмы. Таковыми, очевидно, являлись и Костомаровские пещеры. Сохранился документ, датированный 1908 годом, в котором крестьяне обращаются с просьбой об освящении церкви, находящейся в этих пещерах, говоря при этом, что «она существует давно». Прошение тогда не было удовлетворено.

После революции большинство храмов и монастырей было закрыто и разрушено. Но Костомаровская пещерная церковь была освящена в честь Спаса Нерукотворного, правда случилось это чуть позже, по окончании Великой Отечественной войны. И в 1946 году было получено разрешение на совершение богослужений. Правда отдельными подвижниками богослужения до этого времени, хотя и тайно, но совершались. Самым известным из них был блаженный старец Пётр Еремеев, уроженец села Белогорье. Когда он покидал Костомаровские пещеры, на прощание сказал: «Сейчас Петрушка, а потом будет Андрюшка». Эти слова оказались пророческими, так как после войны, когда вокруг пещерного храма образовалась Община, по своему укладу напоминающая монастырь, сюда подвизался юродивый Андрюшка. Он же вместе со своими сподвижниками тайно продолжил расширять пещерный храм.

Костомаровская икона Божией Матери

После войны пещерный храм стал уникальной обителью духовного союза многих старцев, живших друг у друга в послушании. Это было место, хранившее истинный дух веры и строгость монашеского бытия.

В 1959 году Спасская церковь была закрыта. Однако существуют свидетельства, что блаженный Андрей вплоть до начала 1970-х годов тайно подвизался в скрытом от посторонних глаз затворе.

До 1997 года пещерные храмы находились в запустении. А в этот же год решением Священного Синода Спасский Костомаровский монастырь вновь был открыт. Игуменьей монастыря была назначена матушка Серафима (Иванова), которая управляла обителью до 2007 года. С апреля 2007 года настоятельницей монастыря назначена игуменья Елена (Золотухина), которая несёт своё послушание и сегодня.

В год открытия Костомаровского монастыря из Покровского храма города Павловска была передана в дар икона Божией Матери, написанная на металле. По своей иконографии она представляет ростовое изображение Пресвятой Богородицы, бережно держащей Богомладенца. Икона написана во второй половине XIX века художником В.В. Шокоревым. В годы богоборчества она была

прострелена шестью пулями, следы от которых сохранились до сегодняшнего дня. В монастыре этот образ стал главной святыней и почитается как чудотворный. По благословению митрополита Воронежского и Лискинского Сергия эту икону стали именовать Костомаровской. Особым почитанием пользуется и живописная икона, именуемая «Святое семейство – учитель труда», на которой изображены: отрок Иисус и праведный Иосиф, занятые плотницким делом, а рядом с ними – Пресвятая Богородица.

Сегодня пещерный комплекс полностью восстановлен. В него входят два храма: храм Спаса Нерукотворного Образа с приделом святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии и храм Серафима Саровского; пещерные «затворы» и единственная в России Пещера Покаяния. На вершине горы размещается поклонный крест на горе Голгофа. Также действуют наземный храм в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших», освящённый митрополитом Воронежским и Лискинским Сергием 20 января 2009 года, и Часовня Распятия Господня.

В нескольких километрах от монастыря располагается источник в честь Тихвинской иконы Божией Матери, к которому ежегодно совершается крестный ход.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСВЯЩЕНИЕ МОНАХИНЯМ	5
ОТ АВТОРА	6
НИЖНИЙ НОВГОРОД	8
ПУТЬ К ИСТИНЕ	11
СПЕШИТЕ В МИР НЕСТИ ДОБРО	56
ПО ЗАКОНАМ МИЛОСЕРДИЯ И ЛЮБВИ	59
СКИТ СОРОЧИЙ ЛОГ	84
ВО ИМЯ ГОСПОДА И ВО БЛАГО БЛИЖНЕГО	87
ЛЮБОВЬ ВОСПРИНИМАЙ, КАК ДОБРОДЕТЕЛЬ	110
С ЛЮБОВЬЮ В СЕРДЦЕ И МОЛИТВОЙ НА УСТАХ	113
ПЕЩЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ	136
ПО ЗОВУ СЕРДЦА	139

Литературно-художественное издание

Надежда Дробышевская

По тонким нитям судеб Матушки

Особую благодарность автор выражает
Патриаршему Экзарху всея Беларуси
митрополиту Минскому и Заславскому Вениамину,
митрополиту Нижегородскому и Арзамасскому Георгию,
митрополиту Барнаульскому и Алтайскому Сергию,
митрополиту Воронежскому и Лискинскому Сергию,
митрополиту Ставропольскому и Невинномысскому Кириллу

Художественное оформление и дизайн автора

Верстка – Дарья Крузе

Корректурa – Ирина Бортникова

Обложка – Ирина Журова

Фотографии для оформления представлены героями очерков

Картина «Явление в Саввино-Сторожевском монастыре», использованная
для обложки, предоставлена художником Анатолием Васильевичем Поповым

Отпечатано в типографии

Издательского дома «Граница»

123022, Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1

+7(495)137-99-90, +7(495)971-00-75

granica_publish@mail.ru

www.granicagroup.ru

Подписано в печать 05.06.2023

Формат 70х90/16. Печать офсетная. Печ. л. 10

Тираж 500 экз. Заказ № 2494